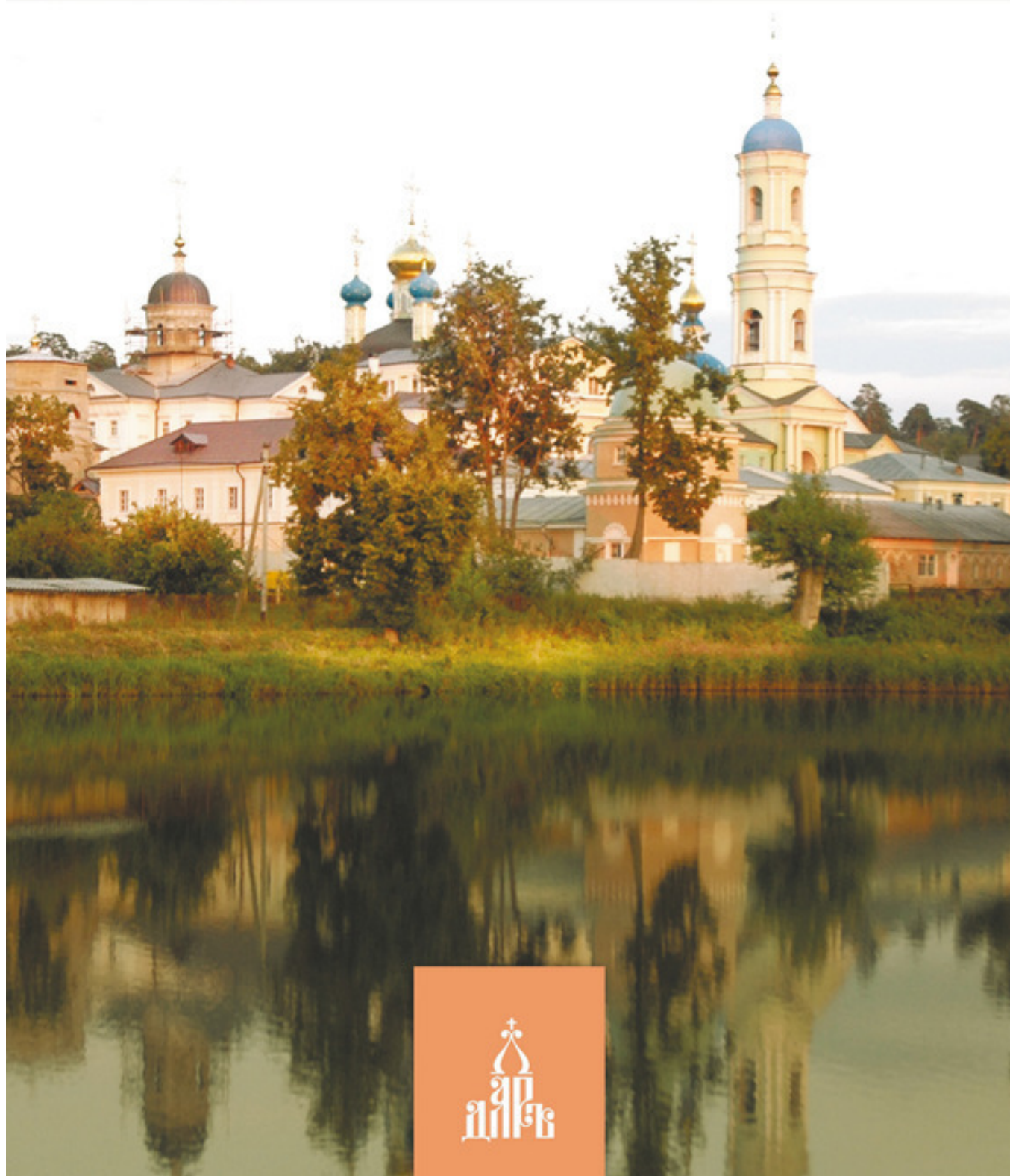

Сергей Нилус

На берегу Божией реки

ЗАПИСКИ ПРАВОСЛАВНОГО

Сергей Нилус

**На берегу Божией реки.
Записки православного**

ТД "Белый город"

2010

УДК 821.161.1
ББК 84Р

Нилус С. А.

На берегу Божией реки. Записки православного / С. А. Нилус —
ТД "Белый город", 2010

«На берегу Божией реки» — одно из лучших произведений С. А. Нилуса (1862 — 1929). Наиболее значительная часть книги включает в себя дневник, который автор вел с 1909 года, живя в Оптиной пустыни. Такая форма повествования позволяет окунуться в атмосферу тогдашней монастырской жизни, понять мудрость и простоту оптинских старцев, устремленных к Богу и нашедших уединенный приют в святой обители. Кроме того, в книге рассказывается о Саровском и Дивеевском монастырях. Как и все работы Нилуса, его дневник полон предчувствий катастрофы, надвигающейся в то время на Россию, и тревоги за судьбу Отечества.

УДК 821.161.1

ББК 84Р

© Нилус С. А., 2010
© ТД "Белый город", 2010

Содержание

Часть I	6
Вместо предисловия	6
1909 год	8
1 января	8
2 января	9
3 января	13
9 января	16
10 января	20
12 января (Понедельник. День св. мученицы Татианы)	23
25 января	27
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Александрович Нилус
На берегу Божией реки.
Записки православного

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской
Православной Церкви № ИС 10-17-1707

© Издательство «ДАРЪ», 2010

Часть I

Вместо предисловия

Назначение и цель христианского писателя – быть служителем Слова, способствовать раскрытию в Нем заключенной единой истины в ее бесконечно разнообразных проявлениях в земной жизни христианина и тем вести христианскую душу по пути Православия от жизни временной в жизнь вечную во Христе Иисусе Господе нашем.

По выходе в свет книги этой я послал ее в дар епископу Полтавскому Феофану. В ответ на это Владыка 24 ноября 1915 года написал мне следующее:

«Досточтимый Сергей Александрович! Сердечно благодарю Вас за Ваше внимание ко мне, выразившееся в посылке мне Вашей книги «На берегу Божьей реки». Я с великим интересом читаю все Ваши книги и вполне разделяю Ваши взгляды на события последнего времени. Люди века сего живут верою в прогресс и убаюкивают себя несбыточными мечтами. Упорно и с каким-то ожесточением гонят от себя самую мысль о кончине мира и о пришествии антихриста. Их очи духовно ослеплены. Они видя не видят и слыша не понимают. Но от истинно верующих чад Божиих смысл настоящих событий не сокрыт, даже более того: на ком почиет благоволение Божие, им будут открыты и время пришествия антихриста, и кончина мира точно. Когда Господь изречет Свой грозный Суд над грешным миром: *не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками, потому что они плоть* (Быт. 6, 3); тогда Он скажет верным Своим рабам: *выйдите из среды их и отделитесь... и не прикасайтесь к нечистому; и Я прииму вас* (2 Кор. 6, 17; ср.: Ис. 52, 11). И сокроет их от взоров мира, воздыхающего в страхе грядущих бедствий. Поэтому велика заслуга тех, кто напоминает людям века сего о грядущих великих временах и событиях. Господь да поможет Вам глаголати о сем в слух мира всего благовременно и безвременно *со всяким долготерпением и назиданием* (2 Тим. 4, 2).

Ваш искренний почитатель и богомолец, епископ Феофан».

«Господь да поможет Вам глаголати о сем в слух мира всего» – эти слова епископа сбылись во всей точности в годы революции. Таково значение епископского благословения, и притом такого епископа, как Феофан.

* * *

С Покрова 1907 года¹ по день Святого Духа 1912 года Богу угодно было поселить меня со всей моей семьей на благословенной земле святой Оптиной Пустыни. Отвели мне старцы усадьбу около монастырской ограды, с домом, со всеми угодьями, и сказали:

– Живи с Богом, до времени. Если соберемся издавать Оптинские листки и книжки, ты нам в этом поможешь; а пока живи себе с Богом около нас: у нас хорошо, тихо!..

И зажили мы, с благословения старцев, тихонько, пустынную жизнью, надеясь и кости свои сложить около угодников оптинских.

¹ С Покрова 1917 года началось наше житие в Линовице под покровом храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Храм, правда, освящен был не на Покров, а ранее 10 августа, 7–27 июля, но посвящен именно этому празднику Богоматери. Он сооружен был покровской игуменьею Софиею.

Господь судил иначе. Слава Богу за все!.. Велика и несравненно прекрасна река Божья – святая Оптина! Течет река эта из источников жизни временной в море вечно радостного бесконечного жития в царстве незаходимого Света, и несет на себе она ладьи и своих пустынножителей, и многих других многоскорбных, измученных, страдальческих душ, обретших правду жизни у ног великих Оптинских старцев. Каких чудес, каких знамений милости Божией, а также и праведного Его гнева, не таят в себе прозрачно-глубокие, живительные воды этой величаво-прекрасной, таинственно-чудной реки! Сколько раз с живописного берега ее, покрытого шатром пышно-зеленых сосен и елей, обвеянного прохладой кудрявых дубов, кружевом берез, осин и кленов заповедного монастырского леса, спускался мой невод в чистые, как горный хрусталь, бездонные ее глубины, и – не тщетно...

О благословенная Оптина!..

До новолетия 1909 года я был занят разбором старых скитских рукописей, ознакомлением с духом и строем жизни моих богоданных соседей, насельников святой обители. Плодом этого времени была книга моя «Святыня под спудом» и несколько меньших по объему очерков, нашедших себе приют в изданиях Троице-Сергиевой Лавры. С 1 января 1909 года я положил себе за правило вести ежедневные, по возможности, записки своего пребывания в Оптиной, заносая в них все, что в моей совместной с нею жизни представлялось мне выдающимся и достойным внимания.

Чего только не повидал я, чего не передумал, не переслушал я за все те незабвенные для меня годы, чего не перечувствовал! Всего не перескажешь, да многого и нельзя рассказать до времени, по разным причинам слишком интимного свойства. Но многое само просится под перо, чтобы быть поведанным во славу Божию и на пользу душе христианской, братской мне по крови и по вере православной.

Откроем же, читатель дорогой, тетради дневников моих и проследим с тобою вместе, что занесло на их страницы благоговейно-внимательное мое воспоминание.

1909 год

1 января

Встреча нового года. – Бабаевский блаженный Василий Александрович. – Прп. Елеазар Анзерский

Вот уже и год прошел, да еще с прибавком в три месяца, как мы живем под покровом Царицы Небесной в Ее обители Оптинской. Не видали, как пролетело это время.

Новорожденного младенца семьи вечности – 1909 год – встретили всенощным бдением в Казанской церкви благословенной Оптиной. Ходили всей семейкой, разросшейся, благодарение Богу, до одиннадцати душ. Отстояли всенощную до величания великого святителя Василия, приложились после Евангелия к его образу и после четвертой песни канона, около 10 часов вечера, пошли домой. Служба началась в половине седьмого, а конца первого часа и отпуска ранее половины одиннадцатого не дожидаться: не всем моим под силу выстаивать до конца такие бдения, да и самому мне грех похвалиться выносливостью к монастырским стояниям, кроме тех, увы, редких случаев, когда, нежданная, негаданная, посетит нечувственное окаменелое сердце небесная гостья – молитвенная благодать Духа Святаго, «немошная врачующая, оскудевающая восполняющая». Ну, тогда стой хоть веки!..

К одиннадцати часам вечера пришел к нам иеромонах о. Самуил с двумя клиросными, перекусили кое-чего с нами, выпили чайку и начали в моленной новогодний молебен. Была полночь, а в моленной мы и певчие пели «Бог Господь и явился нам...».

Идеальная встреча нового года! Как благодарить за нее Господа?

– Крестообразно! – сказал мне как-то года три назад в Николо-Бабаевском монастыре на подобный же вопрос один полублаженный, а может быть, и блаженный, некто Василий Александрович, проживавший в холодной трепаной одежонке и лето и зиму в омете соломы около монастырского молотильного сарая.

– Как? – переспросил я.

– Да так, очень просто, – ответил Василий Александрович и осенил себя крестным знаменем. – Так и благодарите! – добавил он с милой, детски наивной улыбочкой.

Верстах в пяти от монастыря у Василия Александровича было что-то вроде поместья – дом, надельная и наследственная, родителями благоприобретенная земля, но он, как говорили мне, до этого не касался, предоставив все во владение семейному своему брату; сам же он был бобыль и довольствовался как жилищем монастырским ометом². В омет этот он уединялся, там и ночевал, не обращая внимания ни на какую погоду. Изредка, когда костромские морозы переваливали за 30 градусов, Василий Александрович забегал в монастырскую гостиницу погреться у гостиника и попить у него чайку... Когда-то он был послушником в Николо-Бабаевском монастыре, а затем, кажется, вторым регентом в Троице-Сергиевой Лавре. Лет двадцать назад, сказывали мне, у него был чудный голос – тенор, которым, бывало, заслушивались любители пения. Во времена моего с ним знакомства у него уже почти не оставалось голоса, но слух был на редкость верный, и мы с женой пели иногда с ним священные песнопения, поздним вечером, на крылечке монастырской гостиницы. Странный он был человек! Придет он, бывало, ко бдению в величественный Бабаевский собор, станет где попало и как попало, иногда даже полуоборотом к алтарю, поднимет голову кверху, воззрится в соборный расписной купол, да так и простоит как изумленный все бдение, не сходя с места и не пошевелив ни одним мускулом. Внешней молитвенной настроенности в нем заметно не было.

² Омет (*устар.*) – сложенная в кучу солома, скирд. – *Прим. ред.*

Была ли внутренняя? – Бог весть; но по жизни своей, смиренной и скромной, исполненной всякой скудости и полнейшего нестяжания, он все-таки был человек не из здешних.

На том, видно, свете только и узнаем, кем был в очах Божиих бабаевский Василий Александрович.

Приходил поздравить нас с Новым годом наш духовный друг, о. Нектарий, и сообщил из жития Анзерского отшельника, преподобного Елезара, драгоценное сказание о том, как надо благодарить Господа.

– Преподобный-то был родом из наших краев, – поведал нам о. Нектарий, – из мещан он происходил козельских. Богоугодными подвигами своими он достиг непрестанного благодатного умиления и дара слез. Вот и вышел он как-то раз – не то летнею, не то зимнею ночью – на крыльцо своей кельи, глянул на красоту и безмолвие окружающей Анзерский скит природы, умилился до слез, и вырвался у него из растворенного божественною любовью сердца молитвенный вздох:

– О Господи, что за красота создания Твоего! И чем мне и как, червь презренному, благодарить Тебя за все Твои великие и богатые ко мне милости?

И от силы молитвенного вздоха преподобного разверзлись небеса, и духовному его взору явились сонмы светоносных Ангелов, и пели они дивное славословие ангельское:

– «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!..»

И голос незримый поведал преподобному:

– Этими словами и ты, Елезар, благодари твоего Творца и Искупителя!

Осеним же и мы себя крестным знамением и возблагодарим Бога славословием ангельским: «Слава в вышних Богу!..»

Но не остается, по-видимому, на земле мира; по всему видно, что и благоволение отнимается от забывших Бога человек.

Что-то будет, что-то будет? Хорошо в Оптиной, тихо!.. Надолго ли?

2 января

Друг из Елабуги. – Дар «на память» из рук почившего о. Иоанна Кронштадтского. – «Память» от преподобного Иоанна Многострадального. – Значение о. Иоанна. – Мессина и С.-Пьер. – Пророчества исполняются. – Угрозы будущего.

Есть у нас в Елабуге сердечный друг, близкий нам по духу и вере человек, скромная учительница церковно-приходского училища Глафира Николаевна Любовикова. Близка она была любовью своею и верою к великому молитвеннику земли Русской о. Иоанну Кронштадтскому. Не потому близка она была ему, что жила под одною с ним кровлей, – она и виделась-то с батюшкой на всем своем веку раза два-три, не более, а по вере своей, по которой она имела от него, наверно, больше многих из тех, кто неотступно следовал за батюшкой в его всероссийских странствованиях. С этой рабой Божией наше знакомство долгое время было заочным, по переписке, вызванной интересом ее к моим книгам. Минувшим летом она из далекой своей Елабуги приехала на богомолье в Оптину, и здесь мы с нею и познакомились. Последним ее этапом перед Оптиной был Вауловский скит, недалеко от Ярославля, где в то лето начинала уже угасать святая жизнь великого кронштадтского молитвенника. Из Оптиной, по пути в Елабугу, она хотела опять заехать в Ваулов к батюшке.

– Будете у батюшки, – сказал я ей, – кланяйтесь ему от всех нас в ножки и попросите у него мне что-нибудь из его вещей или из старой его одежды, на память и благословение.

Какое имел для души моей значение кронштадтский пастырь, видно из книги моей «Великое в малом». Елабужскому другу просьба моя была понятна.

10 июня прошлого лета я получил от нее письмо, в котором она между прочим пишет так:

«Здравствуйте, мои дорогие! Спешу поделиться своею радостью и вкупе вашею. 1 июня, в 8 часов утра, пароход, на котором я уехала домой, не заставши батюшки в Ваулове, подошел к конторке. Я выхожу и узнаю, что о. Иоанн на Святом Ключе, в имении Стахеевых, в семнадцати верстах от Елабуги. Я сейчас же сдала багаж конторщику, а сама побежала на другую конторку, где стахеевский пароход ожидал гостей, которые были приглашены... Там все были рады, что я подросла и еще увижу батюшку. К обедне мы уже не успели – батюшка уже отслужил. Когда меня батюшка благословил, то я ему под ухо говорю, что С.А. Нилус вам шлет земной поклон и просит вашего благословения. Батюшка говорит:

– Передай ему, что я глубоко, глубоко уважаю его, люблю его любовью брата о Христе.

Я говорю ему:

– Батюшка! Ему что-нибудь хочется получить от вас на память.

Он ответил:

– К сожалению, ничего у меня нет здесь...

Так и не пришлось мне, – пишет наш друг, – исполнить желание ваше, несмотря на видимое к вам расположение батюшки».

Сегодня день памяти преподобного Серафима Саровского. Мы с женой вдвоем ходили и к утрени, и к обедни. В этот знаменательный и любимый наш день мы получили из Петербурга от одного близкого родственника жены письмо и в нем небольшую веточку буксуса³ с несколькими листочками: во время заупокойного бдения, накануне погребения о. Иоанна, веточка эта была вложена в руку покойного и в ней лежала все время, пока шло бдение.

При жизни своей у батюшки не нашлось под руками, что прислать мне на память, а по смерти эту «память» он прислал мне из собственных своих ручек, да еще через такое лицо, которое и знать-то ничего не могло о моем желании.

Еще замечательное совпадение: книга моя «Великое в малом», посвященная о. Иоанну Кронштадтскому, так много говорит о преподобном Серафиме Саровском, что повествованием о нем, можно сказать, наполнена едва ли не четвертая часть ее первого тома. И вот в день преподобного шлетя мне зеленая ветвь на память от того, кому с такою любовью и верою был посвящен мой первый опыт посильного делания на пожелтевшей уже и близкой к жатве ниве Христовой. Я не признавал никогда и не признаю случайного во внешнем, видимом мире, тем более в мире духовном, где для внимательного и верующего все так целесообразно и стройно. Не отнесу и этого важного для меня события к нелепой и не существующей области случайного.

Да не будет!

И на подкрепку моей вере из уходящего в вечность моего прошлого приходит мне на память случай, подобный этому, но, пожалуй, еще более поразительный.

Года за два или за три до прекращения моей деятельности в качестве помещика Орловской губернии я в летнюю пору, по окончании покоса, до начала жатвы, отправился на своих лошадях к о. Егору Чекряковскому⁴. На душе накипело, сердце черстветь стало: надо было дать душе встряхнуться.

Приехал я к батюшке; вижу: его «правая рука» по детскому приюту, княжна Ольга Евгеньевна Оболенская, собирается в путь.

– Куда это вы? – спрашиваю.

– Батюшка благословил отдохнуть, съездить к угодникам киево-печерским. Завтра еду.

Не будет ли от вас какого поручения к святыням киевским?

Вынул я из кармана кошелек, достал двугривенный и говорю:

³ Буксус – распространенное в декоративном садоводстве название самшита. – *Прим. ред.*

⁴ О нем см. «Великое в малом».

– Когда будете в пещерах, помяните мое имя у преподобного Иоанна Многострадального и на его святые мощи положите как дар моего к нему усердия этот двугривенный.

Почему тогда у меня явилось усердие именно к этому Божиему угоднику из всего сонма остальных преподобных отцов киево-печерских, я до сих пор не знаю... Должно быть, так нужно было.

Княжна уехала; вернулся и я к рабочей поре в свое имение.

Прошло лето, настала осень; покончили с озимым посевом; управились с молотью... Пришла к нам на зимовку странница Матренушка: она года два зимовать к нам приходила. Нанесла она мне в дар всякой святыни из разных святых мест, а из Киева – иконочку преподобного Иоанна Многострадального и шапочку с его святых мощей.

Очень мне это было трогательно, но особого внимания на этот дар между другими, ему равноценными, я не обратил.

В конце октября или начале ноября того же года приехал ко мне на денек со своей матушкой отец Егор Чекряковский. За беседой я между прочим спросил, хорошо ли съездила в Киев княжна.

– Хорошо-то хорошо, – ответил мне батюшка, – только не без горя; у нее в пещерах на первый же день вытащили из кармана кошелек, а в кошельке был золотой да ваш двугривенный. О золотом-то и о кошельке она и не скорбела, а вот что двугривенного вашего не донесла до мощей преподобного, то ей в скорбь было великую; хотя она и заменила его своим, да это, по ней, все не то: вышло, будто она ваше поручение неверно исполнила.

Меня точно молнией озарило.

– Нет, не так думает, – с живостью возразил я, – донесен мой двугривенный до преподобного...

И я показал, что получил из Киева от странницы Матрены. Призвал ее при батюшке и спрашиваю:

– Почему ты мне из Киева принесла святыню от Иоанна Многострадального? Почему ты его выбрала?

– Да я, – отвечает, – и не выбирала. У нас, у странников, в обычае, как придет время уходить из Киева, мы и собираем в складчину заказать обедню о здравии и за упокой благодетелей в пещерской церкви. Так и этот раз было. После обедни служивший иеромонах стал нас оделять разной святыней: мне досталась иконочка и шапочка от преподобного, а я их вам и отдала за хлеб да за соль ваши. А другого чего у меня и в уме не было.

До сих пор бережется у меня эта святыня.

Не то же ли произошло и с веточкой о. Иоанна Кронштадтского? По моей вере – то же.

Смерть о. Иоанна Кронштадтского, на убогий мой разум, представляется мне тоже знамение сокровенного и грозного значения: от земли живых отъят всероссийский молитвенник и утешитель, мало того – чудотворец, да еще в такое время, когда на горизонте русской жизни все темнее и гуще собираются тучи... и одной ли только русской жизни? Не мировой ли? Правда, «несть человек, иже поживет и не узрит смерти»; о. Иоанн болел долго, хотя почти до самой кончины своей был на ногах и служил Божественную литургию дней за двенадцать до перехода в вечность. Смерть его не была неожиданностью – к ней готовились верующие. Но за кого теперь миловать грешную землю? Кому за нее с такою силой и властью умолять Судию Праведного? *Семь тысяч человек, которые не преклонили колени перед Ваалом* (Рим. 11, 4), быть может, и соблюдает Себе Господь, но не для того ли, чтобы сказать этой последней Своей на земле Церкви, этому малому Своему стаду:

– Изыди отселе, народ Мой!

Наше время и плоды его похожи на то, что совершилось в Иерусалиме перед осадой его и разрушением. На Рождество не погибла ли так же ужасно цветущая Мессина, во мгновение ока похоронив под своими развалинами более 200 000 человек? Даже кладбище Мессины, устояв-

шее при первом землетрясении, спустя несколько дней после катастрофы новым подземным толчком было сметено с лица земли, так что и камня на камне не осталось от его пышных надгробных памятников.

Не башня ли это Силоамская? Не грозит ли и нам Бог гибелью, если не покаемся? А покаяния не только не видно, но люди, несмотря на тяжкие язвы, на них налагаемые, только еще более хулят Имя Божие. Максим Горький, например, выходец из недр русского народа, когда-то бывшего богоносцем, что пишет он, несчастный безумец, по поводу мессинской катастрофы? «Такие страшные события, – вещает этот божок российской анархии, – могут еще иметь место, но только пока силы человечества растрачиваются на борьбу человека с человеком. Наступает время окончания этой борьбы, и тогда-то мы одолеем и самые стихии и принудим их подчиниться человеку»?

Что это, как не восстание на Бога падшего Денницы? Разве богохульными устами этого жалкого пошляка и кощунника не говорит апокалиптический зверь, которого еще нет, но чью близость уже предчувствует объятая трепетною жутью сердце человеческое: одних, и притом немногих, как антихриста, близ грядущего в мир, других же, – и их большинство, – как «сверхчеловека», мирового гения, который должен прийти и устроить все, «перековать мечи на орала и копия на серпы...»?

На все мировые, современные нашему веку события мой ум и сердце отказываются смотреть иначе как с точки зрения совершенного исполнения пророчеств Священного Писания, и в частности апокалипсических. Пятнадцать месяцев, проведенных мною в непрерывном общении с оптинскими преданиями, как письменными, так и устными, совершенно убедили меня, что я не ошибаюсь в своей уверенности: только с этой точки зрения все бестолковое, безумное, взваливающее на Бога, что творится во всем мире и что заразило уже Россию, может найти себе объяснение и не довести верующего сердца до пределов крайнего отчаяния, за которыми – смерть души вечная. И до чего люди, отвергнувшие духа Писания, слепы – и оком видят, и ухом слышат, и – не понимают. Возьму на выдержку из газетных сообщений факты из того же мессинского события. Сообщается, например, что в числе открытых нашими моряками жертв землетрясения была одна женщина, найденная под развалинами совершенно здоровой, только истощенной от голодовки и пережитого ужаса. В момент землетрясения она с мужем своим спала на одной кровати. Когда провалилась их спальня и их засыпало обломками, то мужа ее около нее не оказалось. Она еще некоторое время слышала его голос из-за разделившей их груды мусора; стоило, казалось, протянуть ей руку и коснуться мужа, но это было невозможно. И вот мужнин голос, вначале громкий, стал затихать и наконец совсем замер.

Умер муж, а жена осталась.

Разве это не точное исполнение слов Спасителя? – *Сказываю вам: в ту ночь будут двое на одной постели: один возьмется, а другой останется* (Лк. 17, 34).

В той же Мессине, по словам тех же газет, от всеобщего разрушения сохранены были только два здания, и были здания эти: **тюрьма и дом сумасшедших**. Уцелели, стало быть, только осужденные и отверженные миром, а осудивший и отвергнувший их мир погиб.

Это ли не знамение Промысла Божия?! *Кто имеет уши слышать, да слышит!* (Мф. 11, 15).

Всего знаменательнее, что такие подробности катастрофы, явно свидетельствующие истину и непререкаемость Божьего слова, исходят со столбцов таких органов печати и от таких людей, которых в клерикализме заподозрить отнюдь никто не может.

Когда на острове Мартинике разразилась над городом С.-Пьером подобная же, если не еще более ужасная, катастрофа, то там изо всего города в живых остался только один негр, заключенный в подземную темницу. На утро следующего дня он должен был преданным быть казни, а казнь свершилась над осудившими его.

Все это – знаменания! Но кто им внимает?

3 января

Два знаменательных события в Оптиной Пустыни. – Их значение как знамения для православного мира. – Голый человек на престоле Введенского храма. – Что это знаменовало?

Немало знамений является и в нашей, пока еще богоспасаемой, Пустыни!

В самый день Рождества Христова в ней совершилось два крупных по своему внутреннему значению события: во время торжественной Литургии, совершаемой соборне самим о. архимандритом, в самый момент великого входа загорелся и сгорел до основания монастырский черепичный завод.

Это – событие первое.

В пятом часу того же дня, когда в храме началось чтение 9-го часа, в келье своей от разрыва сердца внезапно скончался монастырский благочинный, о. Илиодор, человек нестарый и на вид еще совсем бодрый.

Это – событие второе.

Таким образом, начало нового христианского года, который логично должен начинаться со дня Рождества Христова, ознаменовалось пожаром и смертью. Сгорел кровельный завод; умер благочинный. Не прообраз ли это от частного к общему того, что и в миру, по имени христианском, новый год откроется также пожаром (духовным – мы должны рассуждать обо всем духовно), который коснется чего-то покровного (не веры ли, подобной дереву, выросшему из горчичного семени?), и что в наступающем году наступит внезапный конец благочинию (церковному)? Касаясь самой Оптиной Пустыни, где явлены были эти знамения, они не могут не отразиться и на всем православном мире. Оптина Пустынь не есть какой-нибудь безвестный, затерявшийся на путях и распутиях мира уголок – она, со смертью о. Иоанна Кронштадтского, стала едва ли не важнейшим центром православно-русского духа: совершающееся в ней как в центре неминуемо должно отозваться так или иначе как на периферии, так и на всем организме русского, а с ним и вселенского Православия. Сейсмические инструменты Пулковской обсерватории не показывают ли землетрясений, происходящих даже в другом полушарии?..

Последим за событиями: они укажут, правильна ли или нет эта точка зрения.

Перед всероссийским разгромом 1905 года, в августе 1904 года, в той же Оптиной произошло событие, важность которого была по достоинству оценена внимательными.

Дело было так.

В начале каникул лета того года в Оптину Пустынь к настоятелю и старцам явился некий студент одной из духовных академий, кандидат прав университета⁵. Привез он с собою от своего ректора письмо, в котором, рекомендуя подателя, о. ректор (преосвященный) просит начальство Пустыни дать ему возможность и указания к деятельному прохождению монашеского послушания во все его каникулярное время.

Аспирант монашеского подвига был принят по-оптински – радушно и ласково. Отвели ему номерок в гостинице, где странноприимная, а послушание дали то, через которое, как чрез начальный искуc, оптинские старцы проводят всякого, кто бы ни пришел поступать к ним в обитель, какого бы звания или образования он ни был: на кухне чистить картошку и мыть посуду. Так как у нового добровольца-послушника оказался голос и некоторое умение петь, то ему было дано и еще послушание – петь на правом клиросе. Оптинские церковные службы очень продолжительны, и круг ежедневного монастырского богослужения обнимает собою и утро, и полдень, и вечер, и большую часть ночи⁶.

⁵ Сергей Яковлевич Смарагдов. Впоследствии след его отыскался: он оказался священником Сухумского собора. Ему принадлежит сомнительная честь разгрома Иверско-Алексеевской общины о. Софрония, близ Туапсе.

⁶ Утренняя начинается в час ночи, оканчивается в начале пятого утра; ранняя обедня – от половины шестого до семи утра; поздняя – от половины девятого до половины одиннадцатого в будни и в праздники до половины двенадцатого; вечерня – от

Чистить картошку и посещать клиросное послушание – это такой труд, добросовестное исполнение которого под силу только молодому, крепкому организму и хорошо дисциплинированной воле, одушевленной к тому же ревностью служения и любви к Богу. Но этого труда ученому послушнику показалось недостаточно, и он самовольно (по-монастырски – самочинно) наложил на себя сугубый молитвенный подвиг: стал молиться по ночам в такое время, которое даже и совершенным положено для отдохновения утружденной плоти. Это было замечено гостиником той гостиницы, где была отведена келья академисту; пришел он к настоятелю и говорит:

– Академист-то что-то больно в подвиг ударился: по ночам не спит, все молится; а теперь так стал молиться, что, послушать, страшно становится; охает, вздыхает, об пол лбом колотится, в грудь себя бьет.

Призвали старцы академиста, говорят:

– Так нельзя самочинничать: этак и повредиться можно, в прелесть впасть вражескую. Исполняй, что тебе благословлено, а на большее не простирайся.

Но усердного не по разуму подвижника, да еще ученого, остановить уже было нельзя: что, мол, понимает монашеская серость? Я все лучше их знаю!

И действительно, узнал – дошел до таких степеней, до каких еще никто не доходил из коренных подвижников оптинских!..

Вскоре после старческого увещания певчими правого клироса была замечена явная ненормальность поведения академиста: он что-то совершил во время церковного пения такое, что его с клироса отправили в монастырскую больницу; а в больнице у него сразу обнаружилось буйное умопомешательство. Пришлось его связать и посадить в особое помещение, чтобы не мог повредить ни себе, ни людям. За железной решеткой в небольшом окне, за крепкой дверью и запором и заключили до времени помешанного, а тем временем дали о нем знать в его академию.

Событие это произошло 1 августа 1904 года, а 2 августа оно разрешилось такой катастрофой, о какой не только Оптина Пустынь, но и Церковь Русская не слыхивала, кажется, от дней своего основания.

Во Введенском храме (летний оптинский собор) шла утренняя служба. Служил иеромонах о. Палладий, человек лет средних, высокой духовной настроенности и богатырской физической силы. На клиросах пели «Честнейшую Херувим»; о. Палладий ходил с каждением по церкви и находился в самом отдаленном от алтаря месте храма. Алтарь был пуст, даже очередной пономарь – и тот куда-то вышел. В церкви народу было много, так как большая часть братии говела, да было немало говельщиков и из мирских богомольцев... Вдруг в раскрытые западные врата храма степенно и важно вошел некто совершенно голый. У самой входной двери этой с левой стороны стоит ктиторский ящик, и за ним находилось двое или трое полных силы молодых монахов; в трапезной – монахи и мирские; то же – и в самом храме. На всех нашел такой столбняк, что никто, как прикованный, не мог сдвинуться с места... Так же важно, тою же величественною походкой голый человек прошел мимо всех богомольцев, подошел к иконе Казанской Божией Матери, что за правым клиросом, истово перекрестился, сделал перед нею поклон, направо и налево, по-монашески, отвесил поклоны молящимся и вступил на правый клирос.

И во все это время, занявшее не менее двух-трех минут, показавшихся очевидцам, вероятно, за вечность, никто в храме не пошевелился, точно силой какой удержанный на месте.

Не то было на клиросе, когда на него вступил голый: как осенние сухие листья под порывом вихря, клирошане – все взрослые монахи – рассыпались в разные стороны, один даже под скамьей забился, гонимые паническим страхом. И тут во мгновение ока голый человек

пяти до половины восьмого вечера; правило – от восьми до половины девятого вечера. Таково приблизительно ежедневное распределение оптинских служб.

подскочил к Царским вратам, сильным ударом распахнул обе их половинки, одним прыжком вскочил на престол, схватил с него крест и Евангелие, сбросил их на пол далеко в сторону и встал во весь рост на престоле, лицом к молящимся, подняв кверху обе руки, как некто, кто в храме Божием сядет, как Бог, выдавая себя за Бога (2 Фес. 2, 4).

Мудрые из оптинских подвижников так это и поняли...

Этот голый человек был тот самый академик, что вопреки воле старцев и без их благословения затеял самовольно подвижничать и впал в состояние омрачения души, которое духовно именуется прелестью...

Тут сразу, как точно кандалы спали с монахов, все разом бросились на новоявленного бога, и не прошло секунды, как уже он лежал у подножия престола, связанный по рукам и ногам, с окровавленными руками от порезов стеклом, когда он выламывал железную решетку и стеклянную раму своего заключения, и с такой сатанинской, иронически-злой усмешкой на устах, что нельзя было на него смотреть без тайного ужаса.

Одного монаха он чуть было не убил, хватив его по виску тяжелым крестом с мощами; но Господь отвел удар, и он только поверхностно скользнул, как контузия, по покрову височной кости. Он ударил того же монаха вторично кулаком по ребрам, и след этого удара в виде углубления в боку у монаха этого остался виден и доселе.

Когда прельщенного академика вновь водворили в его келью, где, казалось, он был так крепко заперт, он сразу пришел в себя, заговорил как здоровый...

– Что было с вами? – спросили его. – Помните ли, что вы наделали?

– Помню, – ответил он, – все хорошо помню. Мне это надо было сделать, и горе мне, если бы я не повиновался этому повелению... Когда, разломав раму и решетку в своем заключении и скинув с себя белье, я нагой, как новый Адам, уже не стыдящийся наготы своей, шел исполнить послушание «невидимому», я вновь услышал тот же голос, мне говорящий: «Иди скорее, торопись, а то будет поздно!» – Я исполнил только долг свой перед пославшим меня.

Так объяснил свое деяние новейший Адам, сотворивший волю пославшего его отца лжи и духовной гордости.

Отправили прельщенного в Калугу, в «Хлюстинку» – больницу для душевнобольных, а оттуда его вскоре взял на свое попечение кто-то из его ближайших родственников. Дальнейшая судьба его в точности неизвестна. Слышно было, что он окончательно выздоровел, Духовную академию оставил и служит где-то по судебному ведомству⁷.

⁷ Из «Прибавления к церковным ведомостям» № 43. В настоящее время в Крестовой церкви в Екатеринбурге при архиерейских служениях большую часть проповедником выступает отец И. Сторожев, а в числе богомольцев стало не редкостью видеть прежних товарищей его – людей большею частью давно отбившихся от Церкви и богослужения. Через несколько дней товарищ отца И. Сторожева, также екатеринбургский присяжный поверенный, С.Я. Смарагдов был рукоположен в священный сан преосвященнейшим Андреем Сухумским. В г. Екатеринбурге, да и в епархии, знали присяжного поверенного Сергея Яковлевича Смарагдова как честного защитника, хорошего оратора и скромного человека. Но едва ли многие знали его как христианина. Едва ли многие из обращавших внимание на его скромность знали истинную основу ее. Да и кто мог подумать, что скромность этого подававшего такие большие надежды адвоката истекла из его христианской настроенности. А между тем это было так. Адвокат продолжал всегда быть искренним христианином и верным сыном Святой Православной Церкви. Адвокатская практика не выработала из него себялюбивого «дельца», не загасила горевший в нем пламень веры. Среди своих занятий С.Я. находил время для изучения Священного Писания и чтения святоотеческих писаний. За несколько лет он, можно сказать, изучил всю библиотеку кафедрального собора. Клирос собора был его любимым местом в храме. Здесь, особенно в будние дни, он пел вместе с псаломщиками, читал часы, шестопсалмие и проч., день ото дня становясь все более и более «церковным человеком». И вот свершилось. Подававший блестящие надежды адвокат решил порвать карьеру, сулящую ему славную будущность, и принять сан священника. К сожалению, по семейным обстоятельствам вследствие болезни жены, нуждающейся в теплом климате, С.Я. не мог остаться в Екатеринбурге и вынужден был уехать на юг, в г. Сухум. Там он радушно встречен был преосвященным епископом Андреем и стал готовиться к посвящению. 29 сентября г. Смарагдов прислал на имя преосвященного Митрофана, епископа Екатеринбургского и Ирбитского, следующую телеграмму из Сухума: «Милостивейший архипастырь. Первого октября 1911 года назначено рукоположение меня, грешного, во диакона, пятого – во пресвитера. Припадая к стопам Вашего Преосвященства, усердно прошу Вашего Святительского молитвенного заступления». Владыка прислал преосвященному Андрею телеграмму следующего содержания: «Прошу Ваше Преосвященство передать мой привет Смарагдову и молитвенное пожелание возмозгать во благодати, яже о Христе Иисусе». Теперь, когда печатаются эти строки,

Когда произошло это страшное событие, повлекшее за собою временное закрытие соборного Оптинского Введенского храма и малое его освящение, то и тогда уже наиболее одухотворенные из братии усматривали в нем прообраз грозного грядущего, провидя в нем все признаки предантихристового времени.

Через год с небольшим началось так называемое «освободительное движение» и дало собою яркое подтверждение тому, что в предположениях своих духоносные оптинские отцы и братия не ошибались, что движение это прикрывает собою не одну революцию против Самодержавного Помазанника Божия, а и войну против Творца и Самодержца вселенной и что близится тот роковой день, когда должен явиться «презренный» пророка Даниила, который при общем столбняке власть имущих и параличе власти прекратит ежедневную жертву, поставит мерзость запустения на крыле святилища и... окончательная, predetermined, гибель постигнет опустошителя...

Есть в Оптиной некий монах из священнослужителей, нравом препростой, благоговейный и богобоязненный⁸. Сказывал мне про него кое-кто из братии, что за сколько-то времени до этого знаменательного события ему виделся в алтаре Введенского храма, на престоле, некто без малейшего признака на нем какого-либо одеяния.

– Вот искушение-то, – говорил этот священнослужитель, – как только моя чреда, вхожу в алтарь, а там голый на престоле.

Мало только кто верил словам этого раба Божия...

Много ли найдется и из читателей таких, кто станет на мою точку зрения в рассуждении о значении того, что 2 августа 1904 года произошло в святой Оптиной Пустыни?..

Дай Бог, чтобы мое толкование оказалось неверным! А сердце тревожно, тревожно!..

9 января

Кипячение крещенской воды в Петербурге. – Монахиня Ольга и ее прорицания. – Случай с одним архиепископом. – Слухи о реставрации чудотворной иконы Божией Матери. – Мудрость старца. – Суд Божий.

События, по-видимому, начинают оправдывать мое толкование совершившегося в Оптиной в день Рождества Христова: покров веры отъемлется от стада Христова в великую скорбь овцам и на радость торжествующей стае хищных волков, празднующих близость победы и одоления. В Крещенский сочельник и в самый день Богоявления по представлению санитарной комиссии было сделано распоряжение совершить освящение великой агиасмы⁹ в Петербурге на кипяченой воде. Ко всем соборам и церквам, а также на иордань, на Неву, привезены были бочки с кипятком, и молитвы водоосвящения читались над кипятком, на кипяток призывалась всеосвящающая благодать Святаго Духа... Это ли не погром веры?! Полену дров, нужному для кипячения воды и уничтожения микробов, было оказано больше веры, чем Богу...

Вот он, «пожар покрова веры»!.. К счастью, не все еще отступили от якоря нашего спасения, и в том же Петербурге Господь сохранил для избранных Своих одного епископа, не согласившегося поступиться своей верой ради мира с врагами Христовой Церкви. Если мои записки когда-либо узрят свет, то пусть они и сохранят имя этого верного слуги Божия и архипастыря в подкрепление веры и благочестия изнемогающих моих братии. Кирилл Гдовский¹⁰ – имя этому епископу. Да будет благословенно имя его в род и род.

бывший присяжный поверенный уже стал служителем алтаря Божия, благослови его Господь. 5 октября владыка получил следующую телеграмму: «Еще раз сердечно благодарим за любовь вашу, Владыка; просим святых молитв. Епископ Андрей, священник Смарагдов».

⁸ О. Игнатий, иеродиакон (прозвище – «голосёна» за жалобный голос).

⁹ Крещенской воды.

¹⁰ Ныне (1913) Тамбовский.

Мне прислали из Петербурга вырезку из № 7 петербургской газеты, и в ней статья – «Богоявленское водосвятие в Александро-Невской Лавре».

Страшное по своему значению событие это в газете описывается так.

«...Вот что произошло в главном соборе Александро-Невской Лавры накануне Крещения, в сочельник.

Лаврские сторожа заблаговременно приготовили для водоосвящения громадный дубовый чан в несколько бочек воды, по обыкновению, некипяченой, прямо из-под крана. Полиция местного участка через городского от имени пристава приказала приготовить 50 ведер кипяченой воды местному трактирщику г. Евплову для водосвятия в Александро-Невской Лавре. Кипяток был заказан к 10 часа утра и через час уже был готов, но он не потребовался.

Помощник пристава, узнав, что вода в чане некипяченая, потребовал, чтобы воду заменили кипяченой. Эконом Лавры архимандрит Филарет отправился к митрополиту Антонию¹¹, но секретарь Тихомиров сказал, что владыку беспокоить нельзя, что он сильно занят. «Не получив, таким образом, никакого распоряжения от владыки, – говорил мне архимандрит Филарет, – я своею властью приказал переменить воду. У нас воды кипяченой было достаточно, но только мы ее не успели остудить. Брали прямо из кипяtilьников, горячую».

Эконом Лавры выразил сожаление, что распоряжение о кипяченой воде было сделано слишком поздно.

«В общем все обошлось благополучно. Многие из публики даже благодарны за принятые предупредительные меры», – говорил нам архимандрит Филарет.

К сожалению, не то мы слышали от молящихся в церкви. Многие сильно роптали и выходили, когда во время совершения Литургии воду приносили сторожа и выливали в чан. Пар от горячей воды распространился по всему собору... Энергичное требование полиции заменить немедленно сырую воду кипяченой произвело на богомольцев неблагоприятное впечатление. В самый день Крещения требования полиции поставить чан с кипяченой водой на льду у иордани лаврское духовенство отвергло. Вода была освящена епископом Кириллом Гдовским, в сослужении архимандритов Лавры, прямо в проруби Невы.

Местная полиция приняла меры и никого из публики за водой на иордань не допустила. Ой, страшно!..

В недалеком от Оптиной женском монастыре есть раба Божия по имени Ольга. На нее иногда «находит», и в этом состоянии она имеет видения и прорекает. Кто ей верит, а кто не верит. Я сам не могу определить, каким духом пророчествует Ольга, но многое, как слышно, из ее слов сбывается.

Со дня кончины о. Иоанна Кронштадтского¹² на нее «нашло». Она почти ничего не ест, не пьет, не спит даже. Сделала себе из бумаги трубу и трубит:

– Теперь настало антихристово время. Сам сатана вышел из ада. В аду теперь никого, кроме Иуды, не осталось: все сатанинское воинство со своим князем выступило из преисподней, чтобы соблазнять и губить последних христиан на земле. Горе людям, великое горе настало на земле!.. Там моры начнутся, там трусы – земля проваливаться станет; а там война будет страшная... А на восходе солнечном два коня, один рыжий, другой вороной, – удила грызут, так и рвут, разорвать нас хотят; только еще не могут – удерживает их сила нездешняя... Но скоро, скоро они с цепей своих сорвутся и бросятся на нас!

¹¹ Митрополит Антоний, при tacitu consensus (молчаливое согласие. – Прим. ред.) которого произошло это кощунство, умер вскоре, и смерть его была тяжелая; умирал без сознания в течение, помнится, 10 дней. Когда же после отпевания тело его обносили в гробу (открытом) вокруг лаврского собора, неожиданно налетевший вихрь сорвал с его головы венчик и бросил в толпу, где он и исчез бесследно.

¹² 20 декабря 1908 года.

На Ольгу, рассказывали мне, без слез смотреть нельзя: пальцы, руки, ноги – вся она стала как кость, и все тело ее приняло во время припадка совершенно неестественное положение...

– Вижу, – трубит Ольга, – вижу антихриста. Вот он ходит, руки потирает, слугами своими доволен, – хорошо дела его все исполняют. Только никто еще не знает, где он находится и когда явится. А уж скоро, скоро ему объявиться. Я его и дела обличать буду, когда в Иоанновский монастырь жить перейду. С Иоанновского и пойдет гонение на христиан от антихриста, а меня он велит казнить – голову мне отрубят...

Антихриста описывает как человека уже взрослого, с усами, с бородой, красоты неизобразимой...

Характерно для переживаемого времени сопоставление отмеченных здесь двух событий – кипячения воды для великой агиасмы и прорицательств Ольги: внешней связи между ними как будто нет, ну а внутренней, на мой взгляд, сколько угодно!..

Каким духом внушаются Ольге ее прорицательства, покажет будущее. Кто доживет, тот увидит...

Сегодня прочел в «Колоколе», что престарелый архиепископ одной из древнейших русских епархий, запутавшись ногами в ковре своего кабинета, упал и так разбил себе голову и лицо, что все праздники не мог служить, да и теперь еще лежит с повязкой на лице и никого не принимает¹³.

В конце октября или в начале ноября прошлого года был из епархии этого архиепископа на богомолье в Оптиной один офицер; заходил он и ко мне и рассказал следующее:

– Незадолго перед отъездом моим в Оптину, я был на празднике одной обители, ближайшей к губернскому городу, где стоит мой полк, и был настоятелем ее приглашен к трапезе. Обитель эта богатая; приглашенных к трапезе было много, и возглавлял ее наш местный викарный епископ; он же и совершал в тот день Литургию. В числе почетных посетителей был и некий штатский «генерал» из синодской канцелярии. Между ним и нашим викарным зашла речь о том, что получено благословение, откуда следует, по представлению архиепископа, на реставрацию лика одной чудотворной иконы Божией Матери, находящейся в монастыре нашей епархии. Иконе этой верует и поклоняется вся православная Россия, и она, по преданию, писана при жизни на земле Самой Царицы Небесной св. апостолом и евангелистом Лукой. Нашло, видите ли, монастырское начальство, что лик иконы стал так темен, что и разобрать на нем ничего невозможно. Тут явились откуда-то реставраторы со своими услугами, с каким-то новым способом реставрации, и старенького нашего епархиального владыку уговорили дать благословение на возобновление апостольского письма новыми валами¹⁴.

– Как же это? – перебил я. – Неужели открыто, на глазах верующих?

– Нет, – ответил мне офицер, – реставрацию предположено было совершать по ночам, частями: выколупывать небольшими участками старые краски и на их место, как мозаику, вставлять новые под цвет старых, но так, чтобы восстанавливался постепенно древний рисунок.

– Да ведь это кощунство, – воскликнул я, – кощунство не меньшее, чем совершил воин царя-иконоборца, ударивший копьем в Пречистый Лик Иверской Божией Матери!

– Так на это дело, как выяснилось, смотрел и викарный епископ, но не такого о нем мнения был его собеседник, «генерал» из синодальных приказных. А между тем слух об этой кощунственной реставрации уже теперь кое-где ходит по народу, смущая совесть последнего остатка верных... Не вступитесь ли вы, С.А., за обреченную на поругание святыню?

Я горько улыбнулся: кто меня послушает?! Тем не менее по отъезде этого офицера я собрался с духом и написал письмо тоже одному из синодских «генералов», Скворцову, с которым мне некогда пришлось встретиться в Орле во дни провозглашения Стаховичем на

¹³ Архиепископ Новгородский Гурий.

¹⁴ Красками (слав.). – Прим. ред.

миссионерском съезде пресловутой «свободы совести». Вслед за этим письмом, составленным в довольно энергичных выражениях, я написал большое письмо к викарному епископу той епархии Андронику, впоследствии замученному епископу Пермскому, где должна была совершиться «реставрация» св. иконы. Епископа этого я знал еще архимандритом, видел от него к себе знаки расположения и думал, что письмо мое будет принято во внимание и, во всяком случае, благожелательно. Тон письма был почтительный, а содержание исполнено теплоты сердечной, поскольку она доступна моему малочувственному сердцу. Написал я епископу и вдруг вспомнил, что, приступая к делу такой важности и живя в Оптиной, я не подумал посоветоваться со старцами. Обличил я себя в этом недомыслии, пожалел о том, что «генералу» письмо уже послано, и с письмом к епископу отправился к своему духовнику и старцу о. Варсонофию в скит. Пошел я к нему с женой в полной уверенности, что растрогаю сердце моего старца своей ревностью и, уж конечно, получу благословение выступить на защиту чудотворной иконы.

Батюшка-старец не задержал меня приемом.

– Мир вам, С.А.! Что скажете? – спросил меня батюшка.

Я рассказал вкратце, зачем пришел, и попросил разрешения прочесть вслух мое письмо к епископу. Батюшка выслушал внимательно и вдруг задал мне такой вопрос:

– А вы получили на это письмо благословение Царицы Небесной?

Я смутился.

– Простите, – говорю, – батюшка, я вас не понимаю.

– Ну да, – повторил он, – уполномочила разве вас Матерь Божия выступать на защиту Ее святой иконы?

– Конечно, нет, – ответил я, – прямого Ее благословения на это дело я не имею, но мне кажется, что долг каждого ревностного христианина заключается в том, чтобы на всякий час быть готовым выступать на защиту поругаемой святости его веры.

– Это так, – сказал о. Варсонофий, – но не в отношении к носителю верховной апостольской власти в Церкви Божией. Кто вы, чтобы восставать на епископа и указывать ему образ действия во вверенной его управлению Самим Богом поместной Церкви? Разве вы не знаете всей полноты власти архиерейской?.. Нет, С.А., бросьте вашу затею и весь суд предоставьте Богу и Самой Царице Небесной. Они распорядятся, как Им Самим будет угодно. Исполните это за святое послушание, и Господь, целующий даже намерения человеческие, если они направлены на благое, дарует вам сугубую награду и за послушание, и за намерение; но только не идите войной на епископский сан, а то вас накажет Сама Царица Небесная.

Что оставалось делать? Пришлось покориться.

– А как же, батюшка, – спросил я, – быть с тем письмом, которое я уже отправил синодальному «генералу»?

– Ну, это уж ваше с ним частное дело: «генерал», да еще синодальный, – это в Церкви Божией не богоучрежденная власть, это вам ровня, с которой обращаться можете как хотите, в пределах, конечно, христианского миролюбия и доброжелательства.

«Предоставьте суд Богу!» – таков был совет старца. И суд этот совершился: не прошло со дня этого совета и полных двух месяцев, а уже архиепископ получил вразумление и за Лик Пречистой ответил собственным ликом, лишившись счастья совершать в великие Рождественские дни Божественную литургию.

Призамолкли что-то и слухи о реставрации святой иконы. Хотел было я разразиться обличительными громами по поводу кипячения воды для великой агиасмы, но после старческого внушения решил и над этим суд предоставить Богу.

Икона Пресвятой Богородицы Тихвинской была все-таки реставрирована описанным способом при архимандрите Иоанникие. Результат реставрации оказался таков, что ничего от древней святой иконы не осталось и ее уже нельзя было выставлять для поклонения. Самого архимандрита тут же вслед разбила болезнь, и он не мог уже служить. Его удалили на покой

в валдайский Иверский монастырь, где его обокрал келейник тысяч на 40 или 60 (стяжание настоятельское), и он умер с горя 3 июня 1913 года. «А был раньше здоров, как бык», – сказывал мне валдайский архимандрит, впоследствии епископ, Иоанн.

10 января

Послушница без послушания. – Иерей Бога Вышняго о. Егор Чекряковский (Георгий Алексеевич Коссов) и слова его о реформах духовной школы. – «Перевоплощение» Льва Толстого. – «Два полюса духа».

На нашем горизонте нередко появляется некая многоскорбная монашка-послушница одного большого монастыря Калужской епархии. Эта бедная раба Божия взялась слишком рьяно за подвиги монашеского аскетизма, не стала слушаться старцев и... надорвалась. Утрата ею душевного равновесия стала невыносима для монастырского общежития, и ее как неприкаженную удалили из монастыря, кажется, даже силою. Теперь она скитается с места на место и нигде не находит себе успокоения... Сегодня она явилась к нам от о. Егора Чекряковского¹⁵ умиротворенная, успокоенная. Какая от Бога дана этому иерею Бога Вышняго, что может низводить мир даже и в такие немирные души, как наша бедная послушница! И все наши старцы, начиная с о. архимандрита, относятся к нему как к старцу, как к опытному наставнику и руководителю душ христианских на пути их к вечному спасению. Сколько и я сам от него видел добра себе духовного!.. Выберу время, запишу когда-нибудь в свои дневники кое-что из событий моей жизни, на которых легла печать духа старчества этого истинно великого в своем смирении служителя и строителя Тайн Божиих. Сегодня по случаю толков о предстоящих реформах в духовной школе, вычитанных мною в газетах, вспомнилось мне нечто из бесед по этому поводу с о. Егором. Запишу, пока помнится, по возможности словами самого батюшки.

«Было это во дни архиерейства в нашей епархии епископа С., – так рассказывал мне батюшка, – в то время по всей России пошла мода на съезды. Вот и у нас в епархии вошло в обычай созывать съезды духовенства по всякому удобному случаю. Наступили, как раз во дни его архиерейства, времена тяжкие: забунтовал весь мир, а с ним стали бастовать и наши духовные школы. Ну, конечно, сейчас же по усмирении был созван съезд епархиального духовенства рассудить о том, как быть, как реформировать училища духовного юношества на началах терпения и смирения, а не противления. Собралось нашего брата на съезд великое множество, возглавилось оно обоими нашими владыками, – епархиальным и викарным, – и стало обсуждать, как поднять дух будущих пастырей, как заставить семинаристов учиться и Богу молиться. Владыка, конечно, сказал слово, приличное случаю; другие тоже в грязь лицом не ударили: говорили, говорили – много чего наговорили... Сижу я себе да думаю: ну чего ты, захолустный поп, сидишь тут? Народ здесь все ученый: кто твоего мнения спрашивать будет?.. Вдруг слышу: – А вы, отец Георгий, как о сем думаете?»

И пришлось мне, захолустному попу, ответ держать. И сказалось, мой батюшка С.А., тут такое слово, что я не рад был, что и сказал его...

"Ваши преосвященства и вы, отцы святые, – начал я так ответ свой, – за всеми разговорами, что я здесь слышал, я что-то недослышал: велась ли здесь речь о Подвигоположнике нашем, Господе Иисусе Христе, и о нас самих, отцах тех школяров, которых мы никак не можем заставить ни учиться, ни Богу молиться? Говорили ли мы о том, какой в нашей общественной деятельности и, что всего важнее, в нашей домашней, семейной жизни мы сами подаем пример сынам и дочерям нашим. Нет, не говорили. А какое присловье слышали мы от

¹⁵ См. о нем в книге моей «Великое в малом». Священник села Спас-Чекряк, Орловской губ., Волховского уезда. Ближайший к нему железнодорожный пункт – ст. Белев, Рязанско-Уральской ж.д., откуда до села Спас-Чекряк 25 верст на лошадах.

Господа? – «Врач, исцелился сам (см. Лк. 4, 23)!» – Не с нас ли, отцов, надлежит приняться за реформу? Что на этот вопрос мы скажем, чем отзовемся... А еще о ком мы в речах своих упомянуть забыли? Только – о Спасителе нашем, без Которого мы и творить-то ничего не можем! Только?! Да! Не помянули ни разу, мало того, что не помянули, но и в жизни-то своей, кажется, о Нем думать позабыли. Бывало прежде: Он всем нам хорошо был виден, потому что каждый из нас имел Его, Пастыре-начальника своего, перед собою – Он шел впереди нас, и мы – кто на колеснице, кто пешком, кто бочком, а кто и вовсе ползком – шли за Ним. И был Он нам все: и путь, и истина, и жизнь!.. А после что? А вот что: на место единого Истинного Христа Бога понаделали мы себе каждый своих христов да и ведем их, самодельных, позади себя на веревочке. Где ж тут нам столковаться?!»

Сказал я эти дерзостные слова, Сергей Александрович, и уж не знал, куда деваться от страху... И что ж думаете вы: ведь никто мне слова не сказал в ответ на мои речи – все промолчали. Тягостная была минута молчания!.. На мое счастье, кто-то заговорил о чем-то; слова его подхватили, а я тем временем шапку в охапку да прямо со съезда – к себе в Чекряк: уноси, поп, пока цел, свои ноги!.. С тех пор, мой батюшка, на съезды меня уж не приглашали».

На прошлогоднем миссионерском съезде в Киеве обер-прокурор Извольский¹⁶ заявил, что даже и «Синоду пришлось отдать дань переходному времени».

Помилуй Бог, если это правда! Это будет значить, что Истинный Христос, а не самодельный отступает Своею благодатию от места свята... Кипячение воды для великой агиасмы – не предварение ли верным, чтобы они имели «чресла свои препоясаны и светильники горящи», ибо близко пришествие Жениха, грядущего судить живых и мертвых. Ведь в притче о девах мудрых и юродивых недаром сказал Господь, что воздремали и уснули, и уснули не одни юродивые, но и мудрые девы.

События времени чередуются на наших глазах с головокружительной быстротой. Уступки духу времени, как малые пороховые взрывы, рвут щели во всех стенах христианской (увы – только по имени!) государственной и общественной жизни, постепенно образуя огромные провалы, откуда вырывается огонь едва ли не самой преисподней.

О, если бы пробудились наши мудрые девы!..

Странное событие совершилось в тайниках оптинской духовной жизни! Слышал я о нем из уст одного из оптинских духоносников о. Феодосия¹⁷, и сомнения в достоверности рассказа у меня не возникло ни на минуту: прошу и моего читателя отнестись к нему с таким же доверием, как и я.

В Оптиной по благословию великих почивших старцев Льва, Макария и Амвросия издавна существует благочестивый и исполненный глубокого духовного разума обычай совершать над желающими, хотя бы телесно и здоровыми, Таинство Елеосвящения, в просторечии известное под именем «соборования». В миру это Таинство совершается крайне редко и притом исключительно над тяжело больными, даже над такими, которые признаны безнадежными. Мне самому довелось слышать из уст священника, соборовавшего одного чахоточного, находившегося у порога агонии:

– Ты, милый мой, не думай, что особоруешься – выздоровеешь. Этого, братец мой, никогда не бывает.

Не то в Оптиной. Там основываются на точном разумении слов соборного послания св. апостола Иакова, которое говорит: *болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит*

¹⁶ Во дни революции 1917 года г. Извольский этот принял сан священства и назначен настоятелем русской церкви в Ницце. Женат на дочери цыганки княжне Голицыной.

¹⁷ Впоследствии игумен и начальник Оптинского скита. Скончался 9 марта 1920 г.

болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему (Иак. 5, 14–15). На основании этих слов, совершая Таинство Елеосвящения над больными, оптинские старцы не отказывают в нем и по виду телесно здоровым богомольцам, ибо, говорят они, совершенно здоровых людей нет, потому что все повинны греху, а грех уже сам по себе есть болезнь души, влекущая за собою болезнь и тела. Независимо от этого Таинство Елеосвящения, утверждают старцы, имеет силу очищать душу не только от грехов сознанных, уже очищенных покаянием, но и от грехов «забвенных», не сохраненных памятью кающегося, так как сказано: «если соделал грехи, простятся ему». Обычно к этому Таинству в Оптиной приступают после Исповеди и Причащения, и совершается оно поочередно духовниками обители. Великий это дар веры нашей! В октябре или ноябре прошлого года к о. Ф. собралась собороваться партия богомольцев душ в четырнадцать, исключительно женщин.

В числе их была одна, которая собороваться не пожелала, а попросила позволения присутствовать зрительницей при совершении Таинства.

– Перед соборованием, – говорил мне о. Ф., – у меня в обычае сказать богомольцам по его поводу несколько слов, объяснить его значение для души и тела, рассказать, как к этому Таинству относились великие наши старцы... По совершении Таинства, смотрю, подходит ко мне та женщина, отводит меня в сторону и говорит: «Батюшка, я хочу поисповедоваться, и, если разрешите, завтра причаститься, и потом у вас пособороваться».

Я проводил ее товарок, которых особоровал, надел епитрахиль и приступил к исповеди. Женщина эта мне принесла покаяние в очень тяжком грехе, который ею был совершен уже давно, но в котором она из чувства ложного стыда не могла покаяться перед своими мирскими священниками. Я разрешил ее от греха, допустил к Причастию на другой день и объяснил, чтобы она собороваться пришла в тот же день часам к двум пополудни... На следующий день женщина эта пришла ко мне несколько раньше назначенного часа, взволнованная и перепуганная.

«Батюшка! – говорит, – какой страх был со мною нынешнею ночью! Всю ночь меня промучил какой-то высокий страшный старик; борода всклокоченная, брови нависли, а из-под бровей – такие острые глаза, что как иглой в мое сердце впивались. Как он вошел в мой номер, не понимаю: не иначе, это была нечистая сила... "Ты думаешь, – шипел он на меня злобным шепотом, – что ты ушла от меня? Врешь, не уйдешь! По монахам стала шляться да каяться – я тебе покажу покаяние! Ты у меня не так еще завертишься: я тебя и в блуд введу, и в такой-то грех, и в этакий..."»

И всякими угрозами грозил ей страшный старик, и не во сне, а въяве, так как бедная женщина до самого утреннего правила – до трех часов утра – глаз сомкнуть не могла от страха. Отступил он от нее только тогда, когда соседи ее по гостинице стали собираться идти к правилу.

«"Да кто ж ты такой?" – спросила его, вне себя от страха, женщина.

"Я – Лев Толстой! – ответил страшный и исчез"».

– А разве ты знаешь, – спросил я, – кто такой Лев Толстой?

– Откуда мне знать? – я неграмотная.

– Может быть, слышала? – продолжал я допытываться. – Не читали ли о нем чего при тебе в церкви?

– Да нигде, батюшка, ничего о таком человеке не слыхала, да и не знаю, человек ли он или еще что другое».

Такой рассказ я слышал из уст духовника святой Оптиной Пустыни, человека для меня совершенно достоверного. Что это? Неужели Толстой настолько стал «своим» в том страшном мире, которому служит своей антихристианской проповедью, что в его образ перевоплощается сила нечистая?..

Как бы ни было, а факт оптинского видения остается фактом. Что скрыто от премудрых и разумных, то открывается младенцам. Но и мнящие себя мудрыми иногда, против воли своей, обмольвливаются словом чуждой им истины. На днях по поводу кончины о. Иоанна Кронштадтского публицист газеты «Новое Время», проводя параллель между почившим праведником и здравствующим писателем, воскликнул: «Отец Иоанн и Толстой – это два полюса!»

О. Иоанн был строителем на земле тайн Божиих. Чей же слуга антипод его – Толстой? Несчастный старик! Жалкий старик!..

12 января (Понедельник. День св. мученицы Татианы)

«Татьянин день» в Москве и в Оптиной. – Отголоски мессинской катастрофы. – Письмо епископа к оптинским старцам. – Слухи в народе. – Знаменательные предсмертные сновидения умершего благочинного о. Илиодора. – Моя последняя с ним встреча и прозорливость старца.

Сегодня день святой мученицы Татианы – годовой праздник Московского университета.

В нем 23 года тому назад я окончил курс юридического факультета. Чего только не совершалось в мое время в Москве пьяным угаром былого студенчества! И сам я – подумать и вспомнить страшно! – принимал когда-то участие во всех его отвратительных оргиях, в которых человек не только теряет образ Божий, но и свой человеческий меняет на образ грязнейшего из животных...

А тут теперь, в моем благословенном затишьи, какой мир, какое благодушное спокойствие, какая непрестанно текущая тихая радость!.. Но и в это безмятежие доносятся извне глухие раскаты пока еще отдаленного грома праведного гнева Божия; и уже рябит зеркальная поверхность оптинской благодатной жизни, и даже в тиши ее священной ограды чувствуется, как потянуло холодным ужасом от надвигающейся грозовой тучи, насыщенной молниями Страшного Суда Господня над возлюбившим неправду человечеством... А там-то, в миру, за черным мраком разлившегося широким потоком отступничества – там-то что? Подумать жутко!..

200 000 жертв мессинской катастрофы все еще возвращаются бледным, страх наводящим призраком. Но чему они научили нас здесь, на родине? Да ровно ничему, если не считать соревнования самолюбия и тщеславия устроителей балов, концертов и всяких якобы благотворительных увеселений в пользу пострадавших... «Трудно подсчитать, – пишут из Рима в "Новое Время"¹⁸, – во сколько обошлась Италии роковая ночь 28 декабря. Погибло более 200 000 человек, и по крайней мере около 100 тысяч из числа оставшихся в живых надо считать неспособными в будущем к настоящей работе... Потерю частного и национального богатства надо считать миллиардами... Италия в одну ночь понесла такие утраты людьми и деньгами, которые далеко превзошли потери России от ее последней войны... Немудрено, что общее настроение в стране подавленное, хотя внешним образом бодрость проявляется повсюду... Власти уже несколько дней прекратили раскопки, считая их бесполезными. А между тем каждый день находят лиц, оставшихся в живых даже по прошествии трех недель после катастрофы. Они принадлежат к небогатым семьям, жившим в нижних этажах, назначаемых для торговых помещений и вместе нередко служивших для жилья... **Большинство спасшихся людей, находящихся в Неаполе и Риме, принадлежат именно к беднякам Мессины и Реджио; зажиточных и достаточного класса людей между ними нет...** Какие сцены повального безумия приходилось наблюдать тем, кто явился туда с помощью! Никогда самое живое воображение не могло бы нарисовать того, что представила действительность. Это нечто неопишное...»

¹⁸ № 11794, «Рим, 5/18 января».

Некий г. Викентий Куадо, редактор газеты «Мессинская Звезда», обратился в редакцию Corriere d'Italia со следующим письмом:

«М. г. Прошу опубликовать в газете вашей следующий факт. С некоторого времени Мессина находилась в руках богоотступников, и последние в воскресенье, предшествовавшее ужасной катастрофе, устроили собрание, на котором был постановлен резко антирелигиозный порядок дня. Я не хочу делать какой-либо вывод из этого события, но полагаю, что мы должны отметить одно совпадение: газета Il Telephono, выходящая в Мессине и отличавшаяся грубо антирелигиозным направлением, опубликовала в своем рождественском номере позорную пародию на "молитву к Дитяти-Иисусу", где между прочим находилась такая гнусная фраза:

О, мой милый мальчик,
Настоящий человек, настоящий Бог!
Ради любви к Твоему Кресту,
Ответь на наш голос:
Если Ты поистине не миф,
То раздави нас всех землетрясением!

Поучительно вспомнить теперь эти стихи. Других пояснений прибавлять не стану. Преданный Вам Викентий Куадо, редактор "Мессинской Звезды"».

Итальянские газеты отмечают и другое «странное совпадение»: «В ночь перед Рождеством, во время торжественного богослужения, по улицам Мессины следовала религиозная процессия, обычно устраиваемая в полночь 24 декабря в городах Южной Италии. Во главе процессии несли изображение Младенца-Иисуса (Vambino), за которым шли дети с факелами в белых одеждах. Вдруг, как раз во время прохода процессии мимо одного из многочисленных клубов Мессины, из дверей его выскочила ватага проигравшихся игроков. Вероятно, пьяные, они вырвали изображение Божественного Младенца из рук несших его, бросили его и растоптали. Сопровождавшие процессию в ужасе разбежались... Только прошли праздники, и небывалое землетрясение не оставило камня на камне...»

Такие вести идут к нам из Италии. Не по тому же ли пути, что и эта страна горячего солнца, зреющих апельсинов и лимонов, пошла наша, когда-то Святая, Русь? Из сердца моего не уходит память о петербургской агиасме... да об одной ли только агиасме?!

Вот что пишет нашим старцам один епископ Православной Русской Церкви:

«...Желаю мира душевного и радости о Господе, той радости, которой и во дни скорби никто не может отнять. А дни скорби грядут, это чувствует сердце. Да и совесть свидетельствует, что милостей Божиих мы не заслужили. Шатаются даже столпы Церкви: что говорить о нас, грешных? Крепче молитесь Небесному Главе Церкви, да укрепит на камне веры Церковь Свою: если основание веры будет вынуто, то чего же нам ждать, грешным?.. Со страхом велиим вступаю в новый год, а мы спим...»

Это пишет епископ. А вот что говорят в народе – говор-то его нам в нашем затишье хорошо слышится.

Верстах в пятнадцати от Оптиной есть село Истик. Из этого села к нам частенько наезжают три богобоязненных крестьянина¹⁹. От них, стало быть, из самой глубины народного сердца, я только и слышу утверждение, что новому злу, водворившемуся в молодом поколении деревни, к старому добру обращения быть не может, что народ, особенно после «свобод» 1905 года, развратился до крайности, что скоро в деревне даже своим деревенским жить будет нельзя и проч. – все в том же тоне, близком к крайнему отчаянию.

¹⁹ Косьма, Иван и Наталья Кутьины.

Вот от этих-то наших деревенских друзей и еще кое от кого из тех же недр деревенских до меня дошли слухи, что страх крестьянский начинает облекаться уже и в легендарные формы, начинает создаваться как бы народный эпос боязни и томительных предчувствий, облекающихся плотью полумифических сказаний. Из числа этих сказаний мне вспоминаются следующие.

Около с. Истик на крестьянском наделе, смежном с казенным лесом, крестьяне сводят свой лесной участок. Когда уже началась нынешняя зима, в казенном лесу, рядом с крестьянским сводом²⁰, среди бела дня на опушке стал появляться какой-то никому не известный благообразный старец. Одет он по-крестьянски. Пройдет вблизи от работающих, приостановится невдалеке, постоит, точно прислушивается к разговорам православных между собою, и – пойдет себе опять в глубь казенного леса. Замечено было, что старец этот при первом скверном слове между работающими тотчас же удаляется, как бы не терпя сквернящего христианские уста слова... Пока это обстоятельство не было замечено, ходил себе старец, не слишком обращая на себя внимание, а как заметили, что он ругательств не любит, так сейчас же возбудилось к нему общее любопытство.

– И чего он тут шляется? Иль за нами досматривает?

И стали его мужики выслеживать, чтобы поймать и допросить – кто он и чего ему от них нужно? И в первый же раз, как только завидели крестьяне старца, так все и бросились за ним вдогонку, чтобы не дать ему уйти в чащу леса. И случилось тут диво-дивное, чудо-чудное: пошел от них старец в сторону казенной засеки²¹ тихой стариковской походкой, а угнаться за ним не могли и молодые; так и ушел он у них из виду, словно сквозь землю провалился. А что всего было чуднее, так это то, что на довольно уже глубоком, ровном и чистом снегу никаких следов не осталось. Так и не дознались, кто такой был этот старец.

Появлялся ли он истиковцам опять, того я не знаю; а вот что я еще слышал из тех же источников и тоже о каком-то старце.

По осени прошлого, 1908 года, приблизительно в ту же пору, когда истиковцы начали рубить свой лес, ехал мужичок в Белев на базар и вез на продажу свиную тушу. Дорога ему шла лесом. Вдруг из лесу ему навстречу выходит седенький старец, останавливает его и говорит:

– Куда едешь? Что везешь?

– Еду, – отвечает, – на базар, а везу тушу на продажу.

– Ладно, – говорит, – вези! Получишь за тушу четвертной билет²², купи мне рубашку, штаники и пинжачок.

Туше цена пятнадцать-восемнадцать рублей, подарку – пара целковых: как тут не купить, если по старцеву слову сбудется?!

– Ладно, – говорит, – дедушка, коли по-твоему расторгуюсь тушей, то привезу тебе и рубашку, и штаники, и пинжачок.

Приехал мужик в Белев с тушей: не доехал еще и до базару, а уж его на дороге перехватили.

– Что везешь?

– Тушу.

– Покажь!

Посмотрели...

– Хочешь четвертной?.. Ну, вези ко мне на двор!

С первого слова, значит, и сторговались.

²⁰ Так в Полеске зовется участок, на котором рубится лес.

²¹ Так называется казенный лес.

²² 25 рублей.

Свез мужик тушу к покупателю, получил денежки и смекает: а старичок тот-то, видать, что не простой – не миновать покупать ему обновку! Купил, что было нужно по старцеву заказу; едет обратно домой, глядь – на том же месте опять тот старец.

– Ну что, продал тушу?

– Продал, дедушка?

– А обещанное?

– Вот тебе и обещанное!

И пока сдавал мужик с рук на руки старцу обещанный подарок, тут же заметил, что под одной мышкой у старца – пук ржи, а под другой – чурка, как бы гробик.

– Что это у тебя, – спрашивает, – дедушка?

– А это, – говорит, – что ты рожь видишь, значит – урожай ныне будет; а гроб – есть урожаю того некому будет: такая пойдет косить холера, такой мор на людях, что кучами будут валяться и убирать некому будет.

Сказал и вслед прибавил:

– Только ты не унывай!

И с этими словами скрылся в лесу...

Такие-то вот слухи ходят в народе между теми, конечно, кто еще не отбился от старинной правды. И как ни стараешься успокоить свое сердце, смятенное роковыми предчувствиями, как ни внушаешь ему, что образумятся-де люди, принесут плоды, достойные покаяния, и что вновь во всей уже сознательной красоте великой своей Православной веры воскреснет Русь Святая, – нет! – куда укроешься, где притаишься ты, сердце, от всей этой грозной тучи зловещих знамений времени, предчувствий, предсказаний? Буквами, как железо раскаленными, на кровавом горизонте от века предопределенного, а теперь – увы! – уже и близкого будущего видятся мне библейские грозные слова: *мене, текел, утарсин* (Дан. 5, 25)!

Сегодня виделся с одним из близких к покойному о. Илиодору монахов и от него узнал, что умерший благочинный за несколько дней до своей смерти был предварен о ней знаменательными сновидениями, которые я под свежим впечатлением здесь и записываю.

О. Илиодор скончался в день Рождества Христова, пришедшийся в истекшем году на четверг. В воскресенье, за четыре, стало быть, дня до смерти, о. Илиодор после трапезы прилег отдохнуть на диване в своей келье... Было это около полудня... Не успел он еще как следует заснуть, как видит в тонком сне, что дверь его кельи отворяется и в нее входят скитский монах Патрикий и с ним иеродиакон Георгий²³. У монаха Патрикия в руках был длинный нож.

– Давай нам деньги! – крикнул Патрикий.

– Что ты шутишь, – испуганно спросил его о. Илиодор, – какие у меня деньги?

– А когда так, – закричал на него Патрикий, – так вот же тебе! – И вонзил ему по рукоятку нож в самое сердце.

Видение это было так живо, что о. Илиодор вскочил со своего ложа и, уклоняясь от ножа, сильно ударился затылком о спинку дивана. От боли он тотчас проснулся и кинулся смотреть, кто входил к нему в келью. Но ни в келье, ни за дверями кельи никого не было.

Это было одно видение.

За день до смерти в таком же полусне о. Илиодор увидел скончавшегося летом 1908 года иеромонаха Савву, бывшего одним из трех духовников Оптиной Пустыни. О. Савва явился ему благодушный и радостный.

– А что, брат, – спросил его о. Илиодор, – страшно тебе небось было, когда душа разлучалась с телом?

²³ Один из главных бунтовщиков против архимандрита Ксенофонта. Оба монаха – и Патрикий, и Георгий – ничего общего с оптинским духом не имеют, люди немирные, хитрые, плотские.

– Да, – ответил о. Савва, – было боязно; ну а теперь, слава Богу, совсем хорошо!

Вслед за о. Саввой, в том же видении, явился сперва почивший оптинский архимандрит Исаакий, а за о. Исаакием – его преемник, тоже умерший, архимандрит Досифей. О. Исаакий подошел к о. Илиодору и дал ему в руку серебряный рубль, а о. Досифей – два.

– Неспроста мне это было, – говорил накануне своей смерти о. Илиодор, рассказывая свои сны одному монаху, – я, брат, должно быть, скоро умру.

В день смерти о. Илиодор был послан за послушание служить в одно село Литургию; накануне у своего духовника как служащий исповедовался, а за Литургией совершил Таинство и причастился.

Вернувшись в тот же день домой, о. Илиодор по случаю великого праздника был на так называемом общем чае у настоятеля, со всеми крайне был приветлив, более даже, как замечено, обыкновенного, и оттуда со всеми иеромонахами пошел в скит к старцам славить Христа. В это время мы с женой выходили от старцев и у самых скитских святых ворот встретили и его, и все оптинское иеромонашеское воинство. О. Илиодор шел несколько позади и мне показался в лице чересчур красным.

– Вот, жарко что-то! – сказал он мне при встрече и засмеялся. На дворе стояли рождественские морозы.

Это была последняя моя с ним встреча в этом мире. Говорил мне после старец о. Варсонофий:

– У меня с о. Илиодором никогда не было близких отношений, и все наше с ним общение обычно ограничивалось сухой официальнойностью, и то только по делу. В день же его смерти, после славленья, я – не знаю почему – обратился вдруг к нему с таким вопросом: «А что, брат, приготовил ли ты себе что на путь?» Вопрос был так неожидан и для меня, и для него, что о. Илиодор даже смутился и не знал, что ответить. Я же захватил с подноса леденцов – праздничное монашеское утешение – и сунул ему в руку со словами: «Это тебе на дорогу!»

И подумайте – какая вышла ему дорога!

Старец рассказывал мне это, как бы удивляясь, что сбылось по его слову. Но я не удивился: живя так близко от Оптинской святыни, я многому перестал дивиться...

25 января

Рукопись неизвестной монахини. – «Двойная жизнь».

Сегодня видел одного из наших «премудрых»²⁴.

– Может ли наша жизнь, – задал он мне вопрос, – находиться под непрерывным водительством из того мира, а може вси земнороднии пойдём?

– Конечно, – отвечаю, – может.

– А как вы относитесь к снам?

Я было хотел ответить словами св. отцов Церкви, но «премудрый» меня остановил и подал мне довольно объемистую тетрадку, на пожелтевших страницах которой было написано: «Письма одной сестры монашествующей к своему отцу духовному и старцу. Рассказ о своей жизни, начиная с 12 лет и до 73-х и далее...»

– Вот, – сказал мне «премудрый», – возьмите эту рукопись себе и воспользуйтесь ею, как хотите.

Я выписал ее всю на страницы дневника своего, а теперь делюсь с моим читателем.

²⁴ О. Эраст (Вастротский), заведующий Оптинской канцелярией и правая рука о. архимандрита Ксенофонта. Скончался 17 июля 1913 г. в мантии с именем Еразма, 85 лет от роду.

«Желаю вам, первое, описать, всемилостивейший батюшка, – так начинается рукопись, – как велико родительское благословение в жизни нашей, даже и по смерти их. Господь молитвами родителей, по милосердию Своему, не оставляет детей их, на земле оставшихся, предохраняет их во сне и наяву от всякой гибели.

Некоторые необыкновенные явления, случившиеся со мной, грешной, опишу я вам подробно, начиная с 12-летнего моего возраста и до 73-го года, который минул мне 1 февраля 1888 года. Желаю из разных записок и книг моих переписать в одну для соображения многих неверующих. Все видения, которые были мне вроде сна, исполнялись в совершенстве наяву. Сколько я ни старалась получить объяснения по этому поводу от достойных духовных лиц, но на все мои вопросы удовлетворительного ответа не получила, кроме того, что я снам верить не должна. Я вполне с этим согласна; но почему же этими снами я бываю как будто предохраняема или от побели, или от греха? Чья же это рука меня предохраняет? – желаю знать я, многогрешная...

Я была выдана замуж 12 лет за 50-летнего богатого, заслуженного воина. Великая была в этом человеке смесь добра и зла, хоть добра в нем было больше, чем зла; а какое и было в нем зло, то оно происходило больше от избалованного его характера; вообще же он был чувств благородных, когда не находился в своей обыкновенной болезни, в которую впадал нередко.

Меня любил он сильно, но от своего дурного характера и сам мучился, и меня мучил.

Мать моя меня любила страстно, более всех детей; и я была к ней сильно привязана, и у груди ее спала до самого замужества. Неудачного моего замужества мать не вынесла и, заболев чахоткою, вскоре переселилась в вечность. Выдать же меня замуж заставила родителей моих нужда, потому что муж мой хотел меня все равно увезти, украсть и тогда бы родители мои расстались со мною навсегда. Но и выдавши меня замуж, мать моя, живя со мною в одной деревне, лишена была возможности меня видеть: муж мой, видя ее любовь ко мне, волновался ревностью и кончил тем, что запретил моей матери ездить к нам в дом. Мать бросила деревню и уехала в город. Через пять лет после моего замужества мать моя, поручив меня милости Знамения Матери Божией, скончалась жертвою буйного характера моего мужа.

Болезнь моего мужа была запой. Но и в то время, когда муж мой подвергался припадкам этой страшной болезни, мне и тогда нельзя было видеться с моей матерью, потому что людям был отдан строжайший приказ меня караулить и не пускать к матери, а ее не принимать в дом. Но сильная любовь родительницы научила ее, что делать, как обнять дитя свое. Бывало, летнею порою, когда солнце на закате, возьмет она с собою сестру мою, девочку лет 11-ти, и 12-летнего брата да девку-слугу и пойдет с ними из города к нашей усадьбе. За ней несут – кто ковер, кто подушку, а дети несут печенье и разные лакомства. Расположится матушка моя в лесочке около нашей усадьбы на траве на отдых... О, горе было тогда нам с нею обеим великое!.. Меня вызвать было дело хитрое, и на это дело отправлялся мой брат. Тихонько пробирался он через сад к стенке нашего дома и, зная, где я сплю, стучал мне в стену. Я выходила к нему тайком, и он провожал меня к матери. Я всегда заставляла мою мать сидящей, пригорюнившись, на ковре. Как увидит она меня, бывало, как бросится ко мне, да так всю меня и обдаст слезами!.. Сколько я ни скрывала моих чувств, уговаривала ее быть покойной, но мудрено было скрыть от любящего материнского сердца желчь, сгоняющую румянец с моих юных щек... Так-то и видались мы с нею летом, утешая скорбь свою красотой летней ночи и соловьиным пением. Досиживали мы с ней на ковре под кустиком до утренней зорьки, а там прощались, обливаясь слезами... Не вынесла мать моя зимней разлуки со мною, и 25 марта, на Благовещение, между утренней и обедней, умерла моя родимая, благословив меня иконой Знамения Божией Матери.

С кончины моей матери я во всех своих нуждах, во всех скорбях моих стала припадать с молитвой к материнскому благословию – к Знамению Божией Матери, и с тех пор жизнь моя вся пошла под руководством чудесных видений.

Вскоре после смерти моей матери я вижу однажды во сне, что пришла ко мне мать моя и говорит:

– Ты, милуша моя, не пугайся, но воду, которая в кружке твоей стоит, не пей! Посмотри, что в кружке! А впредь на ночь себе в кружку воду наливай сама.

После этих слов я тотчас же проснулась. Посидела на постели, подумала: что бы это значило, что мать моя ко мне явилась? Грустно мне стало, и я горько, горько заплакала; а воды все-таки из кружки пить не стала. Эта кружка была серебряная... Утром сняла я с нее крышку и увидела, что как сама кружка, так и вода в ней позеленели. Стали разбирать дело и добрались до сути: меня, оказывается, хотела отравить одна женщина, близкая моему мужу. С тех пор я сама себе стала наливать воду на ночь в стеклянную кружку.

Это было первое охранение меня в сонном видении.

После этого я была раз сильно огорчена дерзостью моего мужа. Муж мой по-своему очень меня любил, но в болезни своей, которая у него возобновлялась ежемесячно, он невольно причинял мне много горя, да еще горя-то такого, что его ни сердце, ни благородное чувство изобразить не могут... И в этот раз, когда он меня сильно оскорбил, я ушла в свою комнату и стала молиться, прося Господа, чтобы Он умилился надо мной грешной и взял к Себе от такого мученья.

С горькими слезами и с чувством скорби я заснула. И вижу я во сне: иду я лугом, покрытым густой, зеленой травой и цветами; а вдаль – лес. На дворе будто бы, несмотря на это, стоит холодная осень. Я бегу в этот лес раздетой, но мне не холодно, а легко и весело... По лесу дорога широкая и гладкая, и я бегу по ней... Вдруг откуда-то взялась собака с длинной цепью и преградила мне дорогу. Я испугалась и стала молиться. В это мгновение, смотрю, выходит из лесу молодой человек красоты необыкновенной, в каске и вооруженный как воин, и спрашивает меня:

– Куда ты бежишь?

Я остановилась и молчу. Он взял меня за руку и стал говорить так тихо и важно:

– Я сколько раз к тебе приходил, а ты от меня все убегаешь. Ты ведь моя и знай, что я тебя никому не отдам!

Я бросилась бежать от него по лесу и прибежала к какому-то большому дому, и в доме этом двери сами собою предо мною растворились. Людей я никого не видела. Я вошла в дом. Смотрю: большая, великолепно убранная комната, и в ней лежит множество прекрасных вещей и положено много разной одежды. Я все это рассмотрела и говорю сама с собой:

– Господи! Кому все это приготовлено?

И с этими словами я хочу уйти обратно к себе домой. Но тут двери вдруг с большим шумом сами собою затворились, и я оказалась запутанной в каких-то решетках. И вижу я, что мне спасения нет и не выбраться мне из этих решеток. И начала я плакать и просить Господа, чтобы Он помог мне освободиться. В то же мгновение внезапно явился ранее мною виденный юноша. Я стала просить его освободить меня и отпустить домой.

– Меня, – говорю, – дома муж ждет. Пустите меня домой, освободите меня!

Видя, что в этом юноше мое избавление, я стала несколько смелее и спросила его:

– Чей это дом? Куда я зашла? И юноша ответил мне:

– Дом это мой, а все, что в нем, принадлежит мне. Хочешь ли не хочешь, а будешь жить со мною неразлучно. Помни, что я тебя никому не отдам.

И тут юноша этот освободил меня и выпустил из дома. Я бросилась бежать изо всей мочи и была уже от своего дома близко, как вдруг, откуда ни возьмись, опять на меня выскочила собака и преградила дорогу к дому. И опять явился мне тот дивный юноша.

– Куда ты так бежишь? – спрашивает, – ведь ты без меня зазябнешь!

Тут он подал мне большую турецкую шаль, закутал ею и сказал:

– Помни ж, ты никому, кроме меня, принадлежать не должна! Я везде буду с тобою.

На этом я проснулась.

После этого сна через некоторое время приходит к моему мужу целовальник и предлагает ему купить у него образ Спасителя благословляющего, в серебряной ризе. Образ этот ему был заложен, да так и остался невыкупленным. Находясь под впечатлением сна, я упростила мужа купить мне этот образ... Не могу я, грешная, изобразить словами, с какими чувствами приняла я на руки этого Спасителя! Облила я Его слезами, отслужила перед Ним молебен, поставила Его в киот и молилась Ему с необыкновенным чувством и умилением.

Вскоре после этого сию я в сумерках у себя в комнате, куда я имею обыкновение уединяться на молитву, и только что хотела, заперши дверь, молиться, как в дверь ко мне постучал муж.

– Поди, – кличет, – ко мне! Я отперла дверь, а он мне и говорит:

– Укладывайся и сейчас собирайся ехать в Тулу!

Почему? Зачем? – с такими вопросами нечего было к нему и обращаться: таков уж был у него характер – надо было безмолвно исполнять его желания.

Когда мы приехали в Тулу, муж объявил мне, что он желает мне продать деревню, в которой мы живем. У меня никакой собственности не было. Была я бедная девочка, и всего моего достояния было что одни розовые щеки, длинная русая коса да большие черные глаза.

В одну неделю дело с продажей мне деревни было в Туле покончено, и мы благополучно вернулись домой.

На другой день все крестьяне с бурмистром во главе явились ко мне на поклон с разными приношениями. Трогательно было видеть, как все они бросились на колени, упали моему мужу в ноги и благодарили его за то, что он их отдал мне, а не другим наследникам, к которым они боялись попасть в руки после его смерти. Мой старик прослезился при виде их чувств к нему и ко мне. Отпустив крестьян, он остановил бурмистра и велел ему немедленно выпроводить из деревни ту женщину, которая меня было хотела отравить, дать ей паспорт и строго наблюдать за тем, чтобы и духу ее близ дома не было.

Однажды я сильно простудилась; в ногах появился ревматизм; боль была невыносимая; ноги свело, и на них сделались точно бугры. Восемь недель я не вставала с постели. Лечили меня доктора, но пользы от лечения никакой не было.

Во время этой болезни я видела сон: будто я в каком-то незнакомом городе лежу больная и слышу в городе этом какое-то смятение; в то же время мне слышится духовное пение, которое приближается ко мне все ближе и ближе... Вижу я и народ какой-то.

– Что это за смятение и пение? – спрашиваю.

Мне отвечают:

– Образа несут!

Я горько заплакала, что не могу видеть крестного хода, и со слезами взмолилась:

– Господи! Хоть бы мне кто-нибудь дверь отворил, чтобы мне посмотреть на это!

В то же мгновение крыша надо мною исчезла и я очутилась на открытом воздухе. Пение же, слышу, все приближается. И стала я с умилением молиться. Вижу: вносят ко мне хоругви, а за ними – образ Спаса Нерукотворного, Которому меня поручила на смертном одре моя покойная мать. Я спрашиваю:

– Какой нынче праздник?

Ко мне подходит какая-то женщина в покрывале и говорит:

– Спас Преображения!

И вслед за этими словами женщина села мне на больные ноги и крепко в них уперлась руками. Я закричала:

– Голубушка, что ты? У меня ноги больные!

– Полно тебе лежать! – сказала мне эта женщина. – Я тебе твои ноги вылечу.

– Кто ты? – спросила я ее.

– Я – Взыскание погибших! – ответила Она и скрылась.

Эту ночь я спала очень покойно и, проснувшись, почувствовала совершенное облегчение от своей болезни.

После этого чудесного видения я отслужила молебен Матери Божией, написала икону «Взыскание погибших» и поставила ее в зимней оранжерее между цветущими деревьями. В эту оранжерею ход был прямо из моего кабинета, и я всякий день, при захождении солнца, хаживала туда молиться и всегда получала великое утешение...

И еще видела я сон: будто стою я у окна в своем доме, и передо мною с неба спала какая-то длинная картина... Чей-то голос сказал мне:

– Эта картина с неба спала к тебе. Я стала ее рассматривать и вижу, что на ней красками нарисовано пылающее в огне сердце.

И после этого я увидела себя в доме умершей моей матери, а кругом дома – пожар страшный, и я с этого пожара таскала огненные бревна. И опять я вижу, что с этого пожара я в испуге вбегаю в дом к матери, но мать меня встречает и в дом не выпускает. А из одной комнаты этого дома я слышу стон моего мужа...

И спрашиваю я мать:

– Что это значит, что вы меня не выпускаете?

– Здесь – муж твой! – ответила мне мать. – Ты его уже больше не увидишь.

Я рвусь к мужу, плачу... И вдруг вижу: ко мне подходит откуда-то мой умерший брат, подает мне черный креп и велит мне им убирать мою спальню.

– Господи! – закричала я, – куда мне теперь себя девать? Куда бежать?

И вбежала я в какую-то большую пустую комнату. В комнате этой, смотрю, стоит большой, длинный стол, покрытый белой скатертью, а на нем множество ночников, доверху наполненных маслом, и в них – белые фитильки. И вижу я: сидит за этим столом какое-то духовное лицо – старец, убеленный сединами. Я боюсь взглянуть на этого старца и издали вопию к нему:

– Господи! Да что же это со мною делается? Когда же мне будет лучше?

– Когда зажжешь ты все эти семь светильников, – ответил мне старец, – тогда тебе будет хорошо!

Вскоре после этого сна мне было что-то вроде видения, необычайного и страшного.

Ездил я в город, в женский монастырь, где имела обыкновение часто молиться перед чудотворной иконой Ченстоховской Божией Матери. Вернулась я из города в сумерках и прилегла у себя на диване. Я не заснула, потому что ясно слышала в соседней комнате разговор мужа с моим братом, но внезапно впала в какое-то необычайное состояние. И вижу я: сижу я у себя в кабинете, и вдруг поднялась страшная буря. В мгновение ока крышу с дома сорвало, а меня подняло на воздух. А буря, смотрю, несет по воздуху леса, дома, скот, людей... Я пришла в неопикуемый ужас, закрыла лицо руками и кричу:

– Господи, прости мои прегрешения!.. Господи, что же это делается?

И какой-то голос ответил мне:

– Конец миру – Господь идет! Брось грешить, беги к Нему навстречу!

Я подняла голову и вижу: сходит Господь с воинством небесным... И тут раздалось такое пение, что я, грешная, ни описать, ни выразить не могу... И поднялась я на воздух навстречу к Нему, и со мною многое множество людей вознеслось на облаках воздушных... И вижу я: какие-то светлые мужи стали расставлять как бы столы.

– Что это, – спрашиваю, – батюшки?

– Господь судить будет весь народ! – ответили мне эти светлые мужи. От страха я очнулась, вскочила с дивана и в ужасе бросилась к образам молиться.

После этого грозного сновидения я стала более обращать внимания на свою духовную жизнь: танцевать бросила, хотя мне было еще только 25 лет; прекратила есть скоромное по постам и постным дням...

Видно, этим образом угодно было Господу обратить меня на путь истинный.

В скором времени я опять вижу сон: кто-то повелевает мне строить дом. Голос говорящего я слышу, а самого его не вижу. Я будто спешу начинать закладывать постройку; занесла огромное строение и сама удивляюсь, как скоро у меня идет эта постройка. Через несколько дней у меня уже и фундамент был выложен... В постройке этой мне помогали какие-то духовные лица. Когда же стало выводиться самое здание, то оно оказалось красоты неимоверной. Работала я над зданием этим с великою тяжестью и усталостью, но душа моя испытывала восторг неопишувемый. И вот, когда я ходила около возведенной мною постройки, ко мне вдруг вошел тот же юноша, который когда-то в сонном видении одел меня шалью. Подошел он ко мне и стал любоваться постройкой, а затем говорит мне:

– Поди посмотри у себя на дворе: что там делается?

Я взглянула на двор и вижу: половина двора у меня засеяна рожью, и рожь эта уже поспела. И дивлюсь я, какая это и откуда взялась рожь? Растет она, смотрю, кустами и такая, какой я никогда не видывала. Посреди же ржи этой стоит один колос выше всех, и на этом колосе еще несколько колосьев.

– Что это за рожь? Что это за колос удивительный? – спрашиваю я юношу.

– Этот колос, – отвечает он мне, – имеет в себе семь колосьев, и каждый колос принесет семь колосьев плода, и все житницы твои засыплются хлебом.

Никого я не могла найти, кто бы мог мне растолковать это сновидение. А между тем вскоре после него мужу моему пришла в голову мысль, что он может внезапно умереть во время одного из припадков своей несчастной болезни и оставить меня на произвол наследников, которых у него было много. Муж сделал на мое имя векселей на 150 тысяч рублей, а имения его было 800 душ, которые и должны были после его смерти перейти ко мне по этим векселям. Таким образом, в мое распоряжение попала и та женщина, которая покушалась на мою жизнь.

Получив паспорт, она, оказалось, не ушла в Москву, но перешла жить в другую деревню. Как стала она моей крепостной, то стала проситься меня видеть; но я, грешница, долго не решалась допустить ее до себя, пока внутренне не примирилась с нею. Но и примирившись сердцем, я не хотела видеться с нею с глазу на глаз, а когда позволила ей прийти, то пригласила к себе священника, нашего духовного отца, при котором и должно было состояться наше свидание. Когда она вошла ко мне, то прямо бросилась мне в ноги, схватила их обеими руками, стала их целовать, каясь в своем грехе и заливаясь горькими слезами. Говорила она, что на жизнь мою она покушалась несколько раз и, кроме того, мужу моему подкидывала фальшивые письма, будто бы писанные ко мне моими любезными; но, к ее удивлению, ни одно из этих писем до мужа моего не доходило, а куда-то они пропадали, хотя она их иногда ухитрялась положить ему в карман...

Я слушала эти признания с болью сердечной.

– Простите ее, – сказал священник. – И Бог грешников прощает.

– Ну, милая, – сказала я, – Господь да простит тебя за мои многолетние мучения, а я тебя прощаю. Напиши себе вольную, а я ее подпишу.

Так я проводила ее и с тех пор больше не видала.

Эта история, однако, не прошла мне даром: я заболела и во время болезни порвала все векселя, выданные мне в обеспечение моим мужем. Причиной тому была развившаяся во мне во время болезни мнительность: мне казалось, что я умру, а мои наследники возьмут да и

выгонят старика мужа и не дадут ему умереть спокойно. Но вскоре Господь помиловал меня – я выздоровела, и мы с мужем спокойно стали жить, предоставив свое будущее воле Божией.

Один год выдался тревожный в нашей тихой помещичьей жизни. В этот год какие-то люди стали поджигать помещиков. Что это были за люди, осталось в точности не известным. Говорили про поляков, которые будто бы бродили под видом иностранцев по селам и городам, оставляя по себе следы в виде дымящихся пожарищ. Правда это была или нет, того мы не знали, но пожары начались и у наших соседей.

Мы связали все свое добро в узлы, просиживали ночи, не ложась спать, и караулили. Так продолжалось довольно долго. Мы все измучились, каждую ночь и каждый день ожидая, что вот-вот и над нами разразится несчастье.

Мать Божия, видимо, сжалилась над моими страданиями и явилась мне во сне. Приснилось мне, будто я бегу куда-то вон из дому по большой дороге, – а на дворе тьма непроглядная и туман страшный, – и я не знаю, куда бегу. Подбежала я к какому-то лесу, и стал туман расходиться. Тут я увидела: стоит какой-то большой образ, но за туманом лика его я разглядеть не могу. Я начала молиться и плакать и во сне говорю со слезами:

– Господи, чей это образ? – угодник ли какой или Мать Божия? Спаси меня, грешную, погибаю!

Вдруг туман предо мною рассеялся, и я увидела образ Божией Матери, и от образа я услышала такие слова:

– Ежели желаешь, можешь иметь Меня у себя. Я стою в городе, в зале такой-то госпожи. И мне было названо имя этой госпожи.

Я упала на колени пред иконой, плакала, плакала и проснулась вся в слезах.

Я рассказала сон мужу, и он мне посоветовал съездить к этой госпоже в город.

С барыней этой я знакома не была, но когда к ней приехала, то была ею принята очень приветливо. В зале у нее я действительно увидела тот же образ Божией Матери, который мне явился во сне, и я узнала, что он именуется «Споручница грешных». Я попросила отслужить перед ним молебен, а затем и разрешение с этого образа снять копию, что и было мне дозволено.

После этого молебна я стала духом много покойнее; а когда мне доставили копию с этого образа, то надо ли говорить, какую я возымела к нему веру?

Тем не менее и у нас начались пожары: сгорел овин; через два дня подожгли ригу. Муж мой заболел своей несчастной болезнью. Скорбь и страх у меня усилились больше прежнего. К счастью, на всю эту скорбь Мать Божия послала мне в утешение и подкрепление мою сестру и еще одного знакомого с женой, которые приехали погостить ко мне. С ними я несколько поуспокоилась.

В тот день, когда ко мне приехали эти гости, в соседнем селе был престольный праздник, и все наши были отпущены мною на праздник. В доме оставался один мальчик и брат мой родной, да в кухне – повар и приказчик с женой.

Гости мои приехали под вечер, и мы с сестрой и с гостями засиделись до позднего часа.

Когда разошлись, я прошла в свою спальню и крепко заснула. Заснула и вижу во сне: у меня будто на дворе пожар. Я велю собрать дворовых, поднять образа и служить молебен, а сама горько плачу, умоляя Господа показать мне, кто мой злодей. Вдруг вижу: на воздухе показалась кисть как бы огромной человеческой руки, и рука эта опустилась и стоит передо мною. Я испугалась.

– Господи! – взмолилась я во сне, – чья это рука стоит передо мною?

– Это – рука Божия! – ответил мне чей-то голос.

И я, в благоговейном ужасе, с трепетом приложила к этой руке; а рука эта стала подниматься все выше и выше и вдруг внезапно опустилась на головы моего приказчика и повара, стоявших неподалеку от меня рядом друг с другом.

Тут я проснулась в изумлении и страхе, недоумевая, что бы мог значить этот сон.

В эту ночь, пока я спала, поднялась на дворе такая буря, что мои люди, отпущенные на праздник, не могли вернуться домой, и в ту же ночь у нас подожгли кухню, разложивши на ее чердаке целый костер. Я этого не видала, а узнала после, так как брат, увидавши пожар, запер ставни в моей спальне. На пожар выскочили брат с гостем и мальчик-слуга, а сестра взяла образ «Споручницы грешных» в руки и стала молиться. Сбежались на пожар мужики и быстро его затушили, не дав разгореться.

Всего этого я не видала, потому что спала, и когда я проснулась, то все уже было кончено.

Проснулась я, лежу и со скорбью думаю, что значит мой сон. Грустно мне стало. Я кликнула свою девушку, которая тоже на праздник не ходила, и велела ей отпереть ставни. Ко мне вошли брат и сестра и спрашивают:

– Здорова ты?

– А у нас, – спрашиваю, – все ли здоровы? Все ли у нас благополучно? Я какой-то сон необыкновенный видела.

Сестра бросилась меня целовать, заплакала да и говорит:

– Благодарю Господа и Божию Матерь «Споручницу»: Они тебя помиловали и спасли!

Тут я узнала, что произошло ночью у нас на усадьбе.

Приехал староста, понаехало много наших крестьян. Я послала за священником, чтобы поднял образа, отслужил молебен и привел бы всех дворовых к присяге. Старосте же я велела наблюдать за лицами: кто как будет присягать? К присяге я и сама вышла. Смотрю: все присягают просто, но когда дошла очередь до приказчика и повара, то с ними невесть что сделалось: они затряслись как в лихорадке и как смерть побледнели. Это было замечено всеми.

Отслужили молебен, а после молебна староста приступил к приказчику с поваром и стал их опрашивать порознь, где были эту ночь, что делали. Кончилось тем, что их сковали и отправили в другую деревню, под крепкий караул, до выздоровления мужа. Когда муж выздоровел и дело разобрали, то одного из них отдали в солдаты, а другого сослали на поселение.

И на этом, благодарение Богу, покончились все пожары, как у нас, так и у наших соседей.

Напала на меня одно время такая грусть, такая тоска, что я не знала, куда мне от нее деваться. Время было зимнее, и я поехала кататься на санках; но и это не помогло. Я вернулась с теми же чувствами, с какими и выехала. Велела я в своей оранжерее зажечь все разноцветные фонарики и пошла любоваться красотой ярко освещенного зимнего сада. Цвела в то время камелия, цвели и многие другие деревья и между ними – огромная датура, на которой было 37 цветков. Что за удивительный был тогда аромат в этой оранжерее!.. Походила я по аллее из камелий и села в своей беседочке на диванчик, на котором обыкновенно сживала. Взяла я в руки образ «Взыскание погибших» и стала с умилением смотреть на него; и чем дольше я на него смотрела, тем в большее приходила умиление. Я не могу сказать, молилась ли я тогда или сидела в полузабытьи, но только не спала. И в этом состоянии умиления я ясно увидела, что пришла будто бы в Белевский женский монастырь, перед вечерней. В церкви никого нет. Я стала возле клироса и начала молиться. И вижу я: из северных дверей алтаря выходит какая-то белокурая девушка в подряснике, проходит тихо мимо меня и пристально на меня смотрит.

– Голубушка, – спрашиваю я ее, – скажи мне: вечерня еще не кончилась?

– Нет, – ответила мне девушка, – не начиналась!.. А ты что – иль пришла сюда местечка себе искать? – спросила она меня и, не дожидаясь ответа, сказала: – Вот, и я себе местечка ищу.

И с этими словами девушка эта вошла в северные двери другого алтаря. Потом, вижу, выходит она опять из тех же дверей и говорит мне:

– А много нужно нам с тобою места? Указала мне рукой на уголок и промолвила:

– Вот здесь и зайдем мы с тобою немного местечка и будем с тобою жить. Тут меня разбудил голос моего мужа, звавшего меня к себе, и видение кончилось.

Мое забытие продолжалось только одно мгновение, но так знаменательным показалось мне виденное, что я рассказала его своей тетушке, у нас тогда гостившей.

– Долго ли, коротко ли, – сказала мне тетушка, – а, видно, быть тебе в монастыре!

Да так мне и самой тогда показалось.

В ту же ночь, когда я уже легла спать, я увидела во сне: пришла я будто в какой-то неизвестный мне дом и вижу в нем покойную мою мать, которая очень хлопочет, убирает дом и готовит кушанья, а на меня никакого внимания не обращает... Я долго на нее глядела, да и говорю:

– Маменька, что же это вы меня не приласкаете?

Мать мне ничего не ответила, и я горько заплакала. Но и на слезы мать не обратила внимания, а продолжала заниматься уборкою дома.

Когда она кончила этим заниматься, то обратилась ко мне и говорит:

– Ну, теперь я все покончила и более к тебе возвращаться не буду. Ты думаешь, мне легко было приходить к тебе в такую даль?

Сказав это, мать моя подошла ко мне, поцеловала меня, перекрестила и покрыла чем-то голубым, обшитым золотой бахромой.

– Чем это вы меня, маменька, покрыли? – спросила я.

– Омофором, – ответила она и стала подниматься на воздух.

Высоко поднялась она и скрылась на небе.

С тех пор, действительно, я уже не видела во сне своей матери, тогда как прежде она мне являлась часто, предостерегая меня и наставляя в разных случаях моей жизни. Вместо явлений матери я с этого времени стала слышать чей-то голос, руководящий мною.

Не более месяца прошло с этого сна, как мне вновь приснился все тот же юноша, который мне и раньше являлся в сонном видении. В этот раз он будто бы с какой-то особой властью явился в мой дом и стал все ломать в доме: сломал часы, мебель, рояль и стал все выкидывать вон из дома; затем схватил моего мужа и запер в комнату, приставив к ней караул и запретив пускать к нему кого бы то ни было... Я стала плакать и просить этого юношу не мучить моего мужа, но он грозно мне сказал:

– Помнишь ли, что я несколько раз к тебе являлся и говорил, что ты никому не должна принадлежать, кроме меня? Ты меня все гнала от себя; теперь я сам к тебе пришел, и уже без тебя не уйду, и везде буду с тобою.

На другой день после этого сна, вечером, сели мы все чай пить. Вдруг муж мой стал хрипеть и покатился без сознания со стула на пол. Бросились за священником, поскакали за доктором. Привезли доктора, пустили кровь и привели мужа в чувство; но ног муж мой лишился – их разбил паралич. После удара он прожил две недели и умер.

Когда похоронили моего мужа, я не в силах была оставаться в нашем доме и уехала на время в Белевский монастырь, где наняла себе келью и жила в ней, пока велось дело с наследниками мужа, от которых мне много было скорби; но Господь послал мне добрых людей, которые меня избавили от всех забот и хлопот по наследству.

Еще сорока дней не вышло покойному мужу моему, – пришла я от всеобщей в свою монастырскую келью и легла спать... В деревне своей я все еще жить не могла и, по милости матушки игумении, принявшей во мне сердечное участие, проживала в монастыре... Только я легла в постель и стала засыпать, как увидела во сне, что меня кто-то будит и говорит:

– Что ты спишь? У мужа твоего добрых дел недостает!

Я будто повернулась на этот голос и вижу: стоят перед моей постелью два светлых юноши в белых одеждах и держат в руках весы...

– Видишь, – говорят, – весы перевернулись? Добавляй скорее!

Я проснулась в трепете, бросилась к Матери Божией и стала Ей молиться, прося Ее научить меня, что делать, чтобы спасти душу мужа. И напала тут на меня такая тоска, что я уже заснуть не могла и всю ночь провела в страшной душевной тревоге.

Утром я пошла к матушке-игуменье, рассказала ей все подробно и просила совета, как поступить мне, что делать. Игуменья посоветовала удвоить милостыню, и я, сколько было можно, всюду рассылала и раздавала; но, видно, всего этого было, к моему горю, мало, потому что непокойно было мое сердце. Тут приехала ко мне моя тетушка, и тоска моя стала меньше меня тревожить; но все-таки сердце не было покойно...

И приснился мне уже сам покойник. Иду будто я в нашей деревне по улице, недалеко от церкви, и вижу, что мне навстречу идет какой-то человек, по походке – мой муж, но верно узнать не могу, потому что лицо его чем-то закрыто. Я спрашиваю его:

– Кто ты?

Он мне ответил:

– Это я.

– Что ж у тебя, – спрашиваю, – лицо-то закрыто?

– Я свету не вижу, – отвечает, – и никто мне его открыть не может, кроме Матери Божией.

Попроси Ее обо мне!.. Да еще есть у тебя мешочек с деньгами – раздай его! Он лежит у тебя в деревне, в комодке, во втором ящике.

Я проснулась и долго думала об этом сне.

Усилила я молитву о муже, но денег, знаю, у меня нет не только в деревне, но и при мне: после смерти мужа я осталась без гроша, и добрые люди помогли мне его похоронить, дав займы денег. Но все-таки сон этот не выходил у меня из головы; а времени до сорокового дня уже мало оставалось.

Я рассказала сон свой тетушке, а она мне и говорит:

– Ты веришь снам – поверь и теперь: съезди в деревню, погляди в том комодке, где он тебе велел!

Послушалась я тетушкиного совета и поехала в деревню. Велела отворить дом, открыть ставни... В деревне, во флигеле, жил мой брат. Я взяла с собой брата и вошла в дом, в ту комнату, где стоял красный комод. Отворила я второй ящик и действительно нашла мешочек с деньгами. И тут я вспомнила, откуда он у меня взялся: у меня одно время завелась страстишка копить серебряные пяточки и гривеннички, и я их собирала в этот мешочек, а потом о нем забыла. Стала я считать деньги, и оказалось, что в мешочке этом набралось 50 рублей. В сороковой день я все деньги раздала. Через три дня после сорокового дня мне во сне опять явился мой муж, но уже с лицом открытым и очень веселым. Подал он мне тот же мешочек и говорит:

– Ну, теперь возьми его! Спасибо тебе, теперь он мне больше не нужен – довольно с меня.

И с этих пор я мужа своего уже более не видала.

Прошло со смерти мужа несколько времени; наступила весна; я стала ездить в деревню наблюдать за хозяйством; наступал праздник Великого дня Пасхи... Опять увидела я знаменательный сон: сижу я будто в каком-то доме и слышу громкий голос, который повелительно говорит мне:

– Иди за мной!

Не видя никого, я пошла за этим голосом и шла куда-то далеко полем. Вижу вдали церковь. Подхожу к ней ближе, смотрю: церковь старая, без окон и без дверей, грязная, неоштукатуренная.

– Созиди мне ее! – говорит неизвестный голос.

Я отвечаю:

– Господи, денег нет у меня, и не знаю, как за нее приняться!

– Созиди мне ее непременно! – повторил настойчиво и повелительно тот же голос.

Проснулась я и думаю, к чему мне привиделся этот странный сон. Подумала, подумала да и бросила думать: не всякому же сну верить!

Через неделю опять вижу тот же сон, и тот же голос мне повелительно говорит:

– Иди за мной!

И опять я пошла за этим голосом, и вновь пришла к тому же месту и к той же церкви; но на этот раз около этой церкви, оказалось, лежала громадная груда камня, так что близко нельзя подойти к церкви. И опять голос сказал мне:

– Созиди мне церковь!

– Господи, – отвечаю, – страшно взглянуть на эту громаду камня!

Повелительно и грозно в ответ на мои слова сказал мне голос:

– Перетаскай все эти камни и созижди мне церковь! Да смотри, непременно устрой!

После того как сон этот повторился, я послала за своим священником, рассказала ему, что видела, и спросила:

– Что, батюшка, эти слова означают?

– Надо, – говорит, – матушка, пригласить отца благочинного: он человек умный и жизни духовной.

Священник привез благочинного. Много мы толковали, и благочинный сказал:

– Может быть, матушка, Господу угодно, чтобы вы обновили вашу церковь: она, действительно, грязная, неоштукатуренная, да к тому ж и построена она вашими предками, и прах многих из них лежит около нее; теперь прах этот попирается всякой крестьянской скотиной. Обновите храм, приведите в порядок семейные склепы: так-то вот и созиждете ту церковь, о которой вы получили повеление.

По общему совету отслужили мы молебен Спасителю и Божией Матери, а благочинный отправил к архиерею прошение о разрешении мне обновить свой приходский храм. Я заказала кирпич, наняла разного рода мастеровых; пришло разрешение от Владыки – и с ранней весны работа закипела. Стали штукатурить церковь изнутри и снаружи, печники – ломать склеп и вновь класть. Образа из церкви перенесли в одну половину моего дома. Навезли тысяч десять кирпича. Работы невидимой рукой подвигались быстро вперед. Явились жертвователи. 30 000 кирпича пожертвовал кирпичник, у которого я покупала кирпич. Один господин, узнавши, что я обновляю церковь, прислал мне десять золотых...

Когда я начала переделывать храм, у меня в платке был завязан один пятиалтынный, – только и было у меня наличного капитала, – а работ в церкви было произведено на 8700 рублей.

К 1 октября, ко дню нашего престольного праздника, все работы были уже окончены, заново отделан грозивший падением иконостас, – и на самый престольный праздник наша церковь была освящена, на мне не осталось за работу ни копейки долгу.

Когда были покончены церковные работы, я в скором времени увидела опять сон: будто я стою в нашей церкви, смотрю и люблюсь, как она стала хороша.

Гляжу: из северных дверей подходит ко мне какое-то духовное лицо и говорит:

– Ты думаешь, что ты тут все окончила? Нет! – Подает мне маленький образок, показывает в церкви для него место и говорит: – Воздвигни мне этот образ здесь, укрась его всеми твоими брильянтами и драгоценными камнями!

И вижу я, что в углу этого образа написан Лик Божией Матери. Сон этот я видела спустя некоторое время и второй раз. Я испугалась, что сразу не послушалась приказания. Послала опять за священником.

– Если так Господу угодно, – сказал мне священник, – то вы этот сон увидите и в третий раз.

Прошла неделя. Опять я вижу во сне, что я стою в нашей церкви и то же духовное лицо подходит ко мне и спрашивает:

– Что ж ты не делаешь того, что я тебе велел?

– Нигде такого образа не отыщу! – отвечаю ему я.

– Да сама-то ты помнишь ли его? – спрашивает и с этими словами вынимает и показывает мне три образка.

– Который же я тебе показывал? – спрашивает. Я указала.

– Так воздвигни ж его на этом месте! – сказал он мне и ушел от меня в алтарь, из которого вышел опять, и с ним другое духовное лицо... Вижу: несут золотую парчу, а на парче – множество золотой бахромы. Подали они мне эту парчу и говорят:

– Это тебе на образ, а чего не достанет – продай свои вещи, бриллиантами же своими укрась Матерь Божию.

Я с этим проснулась, и в памяти моей живо запечатлелся виденный образ какого-то святителя и в углу образа – Лик Божией Матери.

Ни у себя, ни в церкви я этого образа не нашла. Искала у соседей, была в городе, во многих домах смотрела, смотрела и по всем церквам, но нигде не нашла. Наконец, после продолжительных поисков, я нашла виденную во сне икону на чердаке нашей церкви между старыми образами.

Когда я отмыла эту икону, то на ней оказалась надпись: «Святитель Димитрий, Ростовский Чудотворец». И как же я обрадовалась угодничку Божию!.. Обложила я образ этот серебряною ризою, обновила его, сделала на него киот и поставила в церкви на указанном месте, но украсить своими бриллиантами не решилась: боялась, чтобы бабы не выковыряли их своими пальцами, да и жаль мне было расстаться с моим фермуаром²⁵, браслетом и серьгами, в которых я любила ездить по собраниям. Спрятала я свои драгоценные вещи – носить их все-таки не решалась: совестно было, а расстаться с ними было жаль.

Прости, Господи, мое согрешение!

Несколько времени я берегла у себя свои драгоценности, но совесть моя не была покойна, упрекая меня в том, что я их пожалела для Царицы Небесной. Под конец я даже не стала держать их у себя, отдала их спрятать сестре, не сказавши, однако, ей причины, почему не хочу их хранить у себя.

Еще я видела такой сон: будто я у себя дома задумчиво хожу по комнате. Подняла я голову и увидела, что на диване в этой комнате сидит молодой человек, а навстречу мне идет старичок, по виду духовный. Я ему поклонилась в землю и подошла под благословение, а он мне показывает на этого молодого человека и говорит:

– Не ходи за него, пожалуйста, замуж: еще зима не пройдет, как его не будет.

А я говорю ему:

– Батюшка! Я ни за кого не пойду замуж: меня Господь от этого помилует.

Старичок мне показал на балкон и говорит:

– Посмотри, как Матерь Божия молится за тебя!

Я взглянула на балкон, а на балконе, смотрю, стоит Женщина в белом покрывале, поднявши руки к небу.

Я бросилась к двери и закричала:

– Матерь Божия, спаси меня! – И с этим проснулась.

Сон этот очень скоро сбылся наяву. Через два дня после него ко мне приехал тот молодой человек, которого я видела во сне, стал мне объясняться в любви и просить моей руки. Я ответила, что я для него стара, но он не унялся и продолжал объясняться в любви, говорил, как давно меня любит, что он влюбился в меня, когда я еще была замужем, а он был юнкером; что с той минуты, как он меня встретил, он не разлучался со мною мысленно... Этот молодой человек так был красив, так хорош собою, что трудно было встретить красоту, подобную его; но характера он был такого буйного и страшного, что я в ужас пришла от его предложения.

²⁵ Фермуар – ожерелье из драгоценных камней с застежкой. – Прим. ред.

Можно сказать, что я поневоле вспомнила свой сон и успокоилась при мысли, что меня защитят от этого жениха молитвы Царицы Небесной.

Но он долго меня не оставлял в покое, и я много страдала от его ухаживаний. Отказывать ему напрямик было опасно, и приходилось действовать с большой осторожностью, чтобы не навлечь на себя его необузданной ярости в случае отказа. Все родные и знакомые боялись за мою жизнь, так как он всегда с собою носил кинжал, и ему ничего не стоило лишить меня жизни. Наконец, помолившись Царице Небесной, я собралась с духом и решилась прямо ему отказать. Отказала я ему ласково и прибавила, что я дала клятву ни за кого не выходить замуж. К удивлению моему, он принял отказ мой спокойно и стал редко ко мне ездить.

Вскоре после этой истории отвергнутого сватовства я сидела в сумерках на диване и задремала. Вижу во сне, что я где-то еду и на меня напали разбойники и всю меня изранили. Я долго с ними боролась, но не могла справиться, пока не явилась какая-то женщина, которая и спасла меня от них.

– Поди в мою комнату! – сказала мне эта женщина, ввела в комнату и заперла меня в ней.

В этой комнате я увидела большой полинялый образ Божией Матери, похожий на тот, который мне велено было украсить моими бриллиантами. Я стою будто перед ним и плачу. Из дверей выходит старичок, похожий на священника, и берет от меня этот образ.

Я говорю ему:

– Батюшка, зачем ты его от меня берешь?

– Тебе, – ответил он сердито, – было велено его убрать, а ты его бросила!

И он взял и унес от меня этот образ.

Очнувшись я от этого видения и стала просить Царицу Небесную простить мне мой грех. Тотчас же я этот грех открыла своей сестре, а затем и духовному своему отцу. Вскоре после этого я всеми своими бриллиантами и драгоценными камнями украсила запрестольный образ Божией Матери, но только не в своей, а в другой церкви.

С этого времени я духом совершенно успокоилась. Молодой человек, которому я отказала, прожил по соседству со мною до осени, потом уехал в Москву и там в начале зимы кончил жизнь свою ударом.

В письме моем к сестре вскоре после смерти отвергнутого искателя моей руки я писала: сегодня я видела во сне, будто я у себя в деревне, хожу в доме по комнатам, и в доме все пусто и ничего нет. Вхожу к себе в кабинет, остановилась у окна, подняла глаза к небу и с умилением стала благодарить Господа за то, что я вдова и что мне так легко стало жить вдовой... Вдруг слышу голос:

– Ты скоро должна выйти замуж!

Я оглянулась на звук этого голоса и испугалась: у стола, вижу, сидит тот молодой воин, который мне несколько раз уже являлся во сне.

– Нет, – говорю я ему, – я никогда замуж не пойду: меня от этого помилует Господь.

– Нет, – возражает он, – пойдешь!

Я стала плакать и просить его, чтобы он избавил меня от нового замужества. Когда я его просила об этом, ко мне вошел какой-то незнакомый офицер.

– Вот твой жених! – сказал мне воин, взял его и мою руку и надел нам обоим венчальные кольца.

– Смотри же, – говорит он моему жениху, – береги ее, она моя, я тебе ее не совсем отдаю!

А мне сказал:

– Не бойся, иди за него: я везде с тобою буду! – И скрылся от меня.

Я проснулась и думаю: что это такое, Господи, мне приснилось?..

На другую ночь я опять вижу сон, будто я в деревне со своею тетушкой. Опять я стою у окна и смотрю на небо. И вижу я на небе большую звезду. Я кличу тетушку посмотреть на нее... И вдруг эта звезда стала тихо катиться по небу...

– Смотри, – говорит мне чей-то голос, – это звезда твоя и катится к тебе!
И скатилась эта звезда с неба в растворенное окно прямо ко мне на колени.

– Смотри же, – говорит мне тот же голос, – держи ее крепче!

Куда потом звезда эта делась, я не помню... Тут я увидела себя на постели, и кто-то подошел ко мне, толкнул меня в бок и говорит:

– Полно тебе спать! Через две недели ты увидишь, как судьба твоя решится!

И мгновенно проснулась, разбудила тетушку и рассказала ей весь сон. Отметила я этот день и стала ждать, что случится со мною через две недели.

Через две недели и два дня приехал ко мне офицер точно такой, какого я видела во сне. Приехал он в свою деревню из Петербурга, где всегда служил, и пожелал как сосед познакомиться со мною. Ему я, видимо, очень понравилась, и он стал часто ездить ко мне из деревни в город, где я тогда жила, а в один из своих приездов сделал мне предложение, которое я и приняла. Мы скоро обвенчались и переехали на житье в деревню.

Три года я была очень счастлива в замужестве: муж мой, что называется, не мог на меня наглядеться, даже сам меня причесывал, а когда я, бывало, приоденусь, то сам наблюдал, чтобы я была одета как можно более к лицу. Но после, остальные пять лет нашей супружеской жизни, всего было – и сладкого, и горького. Было ли так угодно Господу или злым людям, которые завидовали моему счастью, то Бог весть...

Слава Богу за все!..

Последний год моей жизни с мужем мне все необыкновенные сны виделись, а жизнь наяву исполнена была скорбей немалых. Видно, ими угодно было Господу вести всю жизнь мою.

Один раз вижу я во сне: бегу я каким-то полем и прибежала в свой дом в полном изнеможении. От усталости я упала на постель совсем больная, а на мне, чувствую, лежит какая-то ужасная тяжесть. Приподняла я голову и вижу, что я лежу вся в крестах, и около моей кровати стоят тоже большие кресты... Я заплакала и говорю:

– Господи, что же это? Когда же будет конец этим крестам? Прими от меня хоть один большой!

И какой-то голос мне сказал:

– Все кресты отниму от тебя, но один оставлю! И все кресты отступили от меня. И тот же голос сказал мне:

– Один крест на груди твоей с тобою останется навсегда!

Взглянула я на себя, а у меня распятие на всю грудь разрисовано разными красками. Я стала его смывать, а оно все ярче делается, и под ним надпись: «Христос на кресте». И сколько я ни старалась отмыть его с груди моей, но смыть не могла, так и оставила.

Мое второе замужество было, действительно, исполнено крестов любви страстной и крестоносной, и отняты были они только тогда, когда окончилось через восемь лет супружеской жизни мое испытание этой любовью. Теперь только один крест остался на груди моей, и этот крест я должна донести безропотно до самой могилы.

Один раз вижу: хожу я будто по комнате у себя в доме, а в нем – ни людей, ни мебели – все пусто, а в другой половине дома, слышу, точно музыка какая-то играет и слышится духовное пение красоты необыкновенной. Я долго слушала с невыразимым наслаждением это пение, и стало мне почему-то так грустно, грустно... И сказала я себе: пойду посмотрю, что там делается. Вошла я в девичью и стала, прислонившись к столу. Слышу – чей-то повелительный голос кричит:

– Вон отсюда! Все – вон!

И вижу я со страхом, что из дому по воздуху полетела вон вся мебель... Смотрю, из спальни моей выходит кто-то, точно священник, в золотой ризе, а лицо белой дымкой покрыто, и все рукой машет.

– Вон, – кричит, – все вон! Оборотился ко мне, грозит пальцем и говорит:

– А тебе Иоанн Креститель покажет путь, по которому ты должна идти!

С этим я проснулась.

После этого, в непродолжительном времени, я вижу опять сон: стою я у себя на балконе и с грустью, точно осиротевшая, смотрю на небо. Вдруг вижу, летит через балкон огромная птица и ударила меня больно в лоб, да так, что я покатила. Постояла я немного и вошла в комнаты. В гостиной, смотрю, сидит мой муж и с ним много мужчин, которые все уже давно умерли. Увидев меня, они все вдруг с испугом вскочили, а муж и говорит мне:

– Что это у тебя за звезда большая? Она нас сожгла!

Я ничего не ответила, молча ушла опять на балкон и стала на то же место, где раньше стояла. Гляжу: летит опять та же птица, и из клюва падает записка, на которой крупными буквами были написаны слова: «Матерь Божия – твоя Заступница».

Я подняла записку, положила ее к себе на грудь за платье и пошла в спальню. Стала я у окна и чувствую грусть невероятную... А на небе, вижу, поднимается страшная буря, и над землей низко понеслись черные клубящиеся тучи... В ужасном страхе упала я на колени и стала молиться, а с неба глаз не свожу. И вижу: среди волнующихся туч надвигающейся бури показался лучезарный Ангел и стал бороться с ними, останавливая бурю. И услышала я голос, громко взывающий:

– Где она, где она?

И тут ко мне в спальню вбежала моя давно умершая двоюродная сестра, схватила меня за руку и увела в другую комнату со словами:

– Этому так должно быть. Успокойся: Архангел Михаил унимает твою бурю!

И тут я увидела мою мать; она готовит кушанья, а я ее спрашиваю:

– Что это вы, маменька, делаете?

– Скоро ко мне гость, – отвечает она, – для него и готовлю.

И в это время я слышу в другой комнате какой-то гул и крик, и в нем различаю голос моего мужа. Я бросаюсь в комнату и вижу, что какой-то необыкновенный человек с бледным лицом тащит моего мужа и запирается с ним в комнату. Я плачу, кричу:

– Пустите, выпустите моего мужа!

И тут, вижу, выходит мой муж: лицо бледное, руки опущены, на себя не похож и еле переступает. И страшно перепугалась и проснулась. Заблаговестили к заутрени. Это был день святой великомученицы Варвары. Я стала собираться в церковь.

Муж спрашивает меня:

– Что ты, как будто расстроена? Иль что во сне видела?

Я ничего ему на это не ответила, сказала только:

– Иду в церковь.

– И я, – говорит, – с тобою.

Сердце мое было наполнено такою горестью, что я глядеть не могла на мужа, боясь рыдаться. Меня так поразил этот сон, что я как будто уже совсем рассталась с мужем моим навеки.

Сон этот я видела в ночь под 4 декабря, а 6-го был праздник святителя Николая. В этот день мы с мужем отправились к обедне. От обедни вернулись, сели пить чай. К нам пришла гостья-старушка, коротко нам знакомая. Мы втроем мирно беседовали за самоварчиком. Муж за чем-то пошел в другую комнату и что-то, гляжу, долго не возвращается. Я и говорю гостье:

– Что это он так долго нейдет?

Встаю, чтобы идти к нему, а он в это время сам приотворяет дверь и идет как-то особенно, а сам бледный, точь-в-точь каким я видела его во сне. Он только успел мне сказать:

– За доктором! – И упал на диван.

Помчались за доктором, побежали за священником на село, за братом моим, за людьми... Приехал доктор, пустил мужу кровь, уверял меня, что он останется жив, но, к несчастью, мои сны вернее докторов узнают будущее... Оборвалось мое бедное сердце...

К вечеру муж пришел в память и попросил супу. Я подала ему сама, и, пока держала тарелку, с ним сделался вторичный удар, он вскрикнул и четверо суток был без памяти. Доктора от него не отходили, но жизни ему не вернули.

Через четверо суток он пришел в себя и пролежал больной еще две недели. Господь сподобил его совершить переход к вечной жизни в полной памяти: он причастился, особоровался и ушел туда, откуда не бывает возврата.

Меня, как мертвую, увезли из дома.

Несколько месяцев я была как помешанная и долго еще потом нигде не могла я найти себе места, несчастная!..

Когда Господу было угодно меня помиловать и прекратить мои страдания, я увидела во сне, что будто бы я у себя в деревне хожу по комнатам. Дверь на балкон открыта. День ясный. Из сада, вижу, идут по аллее две женщины в белых покрывалах; в руках одной – дароносица, у другой – потир. Я вышла к ним навстречу и говорю им:

– Кто вы? Что вам нужно? Что вы несете?

Женщина с потиром, которая шла впереди, говорит мне:

– Приступи – исцелишься!.. Посмотри, кто пришел к тебе!

И с этими словами сняла с потира воздух, и я увидела, что в хрустальном потире сидит крошечный Младенец, кудрявенький, красоты неземной и на меня смотрит. Я упала на колени и поклонилась тому Младенцу в землю.

С этим я проснулась, объятая неизреченной радостью. До сих пор я не могу об этом сне вспомнить без слез...

Сон этот я рассказала своему духовнику. Он меня поисповедовал и причастил Святых Таин.

С этого дня я исцелилась от своей болезни. Меня перевезли в деревню, и я стала опять жить в своем доме, о котором раньше мне было страшно даже и подумать.

Вскоре после переезда моего в деревню я опять увидела сон: хожу я будто в каком-то чудном саду, и в этом саду стоит огромное дерево с крупными, белыми и черными плодами. Кто-то меня посадил под это дерево и велел мне раздавать плоды, кому захочу. И вижу я: идет ко мне мой второй муж и подходит грустный такой...

Подаю ему один плод с дерева, под которым сидела, и говорю:

– Съешь его, прохлади свои уста! Это хорошие плоды, я их берегу для тебя.

А он мне с грустью отвечает:

– Смотри ж, не забудь меня!

На другой день я опять вижу сон, что я бегу какими-то лугами и сама не знаю, куда бегу. Прибежала я к какому-то большому дому, вошла в него; прохожу комнату, другую, третью... нет никого в доме. Куда ж это, думаю, я попала?.. Да! – соображаю я, – это я к архиерею попала... Слава Богу, думаю, никто меня не видал!..

Оглянулась я в сторону и вижу: стоит в углу старичок на коленях и молится. Я испугалась и хотела было тихонько переступить через порог и удалиться, но меня этот старичок остановил.

– Куда ты бросаешься и мечешься? – спрашивает.

Я упала ему в ноги и говорю:

– Не знаю я, куда себя деть!

Проговорила я эти слова, а старичок этот уже, смотрю, стоит на амвоне. Я опять упала ему в ноги и говорю:

– Простите, что я к вам забежала!

Он благословил меня и сказал:

– Не мечись из стороны в сторону! – все устроится.

Проснулась я, и взяла меня скорбь: как устроится? Что устроится? Да может ли что меня устроить?..

Рассказала я свои сны кое-кому из близких, и они мне дали совет съездить к старцам в Оптину Пустынь.

И решила я последовать их совету.

Оптиной я не знала, о старцах не имела понятия, не знала, что с ними говорить, даже и помыслить о беседах с ними боялась; но когда услышала рассказы про великого старца о. Амвросия Оптинского, про любовь его к страждущему человечеству, я бросилась к нему, под его покровительство, с растерзанным сердцем и измученной душой, с разбитым здоровьем, с жуткой боязнью сойти с ума в тоске по страстно любимому муже...

С этими чувствами я наскоро собралась и поехала в Оптину Пустынь, к старцу Амвросию.

Приехала я в Оптину и тотчас же пошла в скит, где, сказали мне, живет старец.

Не могу изобразить волновавших меня чувств, когда я подходила к этому святому месту...

Скит во имя святого пророка и предтечи Господня, Крестителя Иоанна!..

– Тебе Иоанн Креститель покажет путь, по которому ты должна идти!

Вспомнились мне знаменательные слова, сказанные мне во сне неизвестным, облаченным в золотую ризу и с лицом, покрытым белой дымкой. Сказаны они мне были еще перед кончиной моего горячо любимого мужа... Неужели здесь совершиться должно их исполнение?.. Сердце во мне билось, как голубь...

Долго я стояла около кельи старца, чтобы хоть сколько-нибудь собрать свой рассеянный ум. Наконец, перекрестилась и вошла в келью.

В келье старца сидело много народа: были монахини, были мирские разного сословия. Я помолилась Богу и поклонилась всем.

Выразить я не могу, какой страх испытывала я, когда сидела в ожидании выхода старца. Меня трясло как в лихорадке. Я не смела глаз поднять на присутствовавших, думая и чувствуя, что страшней и грешней меня нет никого на свете. Не раз порывалась я уйти вовсе из кельи и даже выходила из нее с намерением более в нее не возвращаться; но точно какая-то невидимая сила меня обратно вталкивала в келью, и я против воли своей возвращалась.

Вдруг в келье зашумели, засуетились; монашески стали закрывать окошки... Я догадалась, что идет старец. Жутко мне с чего-то стало. Я бросилась в самый отдаленный уголок кельи и села, как преступница какая, дрожа всем телом.

Отворилась дверь внутренней кельи, и в ней показался старец. Все бросились к его ногам, а я не помню, что в это время сделала, помню только, что старец подошел ко мне и спросил, из какой я губернии и уезда. В это мгновение я увидела, что он в мантии, а в руках у него палочка. На голове старца была шапочка вроде мягкой камилавки. Лицо его было худое, изможденное и очень бледное, и весь он мне показался каким-то неземным видением...

Я была вне себя и продолжала дрожать всем телом.

Тут батюшка обратился ко всем и велел им выйти в другую келью, а мне сказал:

– А ты останься со мною!

И с этими словами запер дверь на крючок. Сел батюшка на диван и тихо, с кроткой ласкою спросил меня:

– Ну, теперь, раба Божия, сказывай, что тебе нужно от меня!

Голос батюшки проник мне в самую душу. Я упала к ногам его и зарыдала, но выговорить слова не могла. Он положил мою голову на свою руку, а другой рукой накрыл ее, как самая нежная, любящая мать; и долго, долго держал он так свои руки, не отнимая их от бедной головы моей. Старец молчал и, вероятно, в безмолвии молился обо мне, давая волю моим слезам, пока не иссяк сам собою их невыплаканный источник. Потом батюшка поднял мою голову и стал расспрашивать меня, как я осталась без мужа, каких я лет вышла замуж... Я отвечала, этого мужа я похоронила второго, что за первого меня родители отдали на 13-м году и я с ним прожила 27 лет. Потом я вышла замуж уже по своему выбору и со вторым мужем жила 8 лет. Была я немолода, но наружность имела несчастную, которая могла нравиться, так что мне нетрудно было утаить мои годы... Батюшка слушал меня внимательно.

– Ну, – сказал он, – пожила ты, А.Н., в свете довольно, повидала всего – хорошего и плохого, радостного и горького, – а теперь пора подумать и о душе своей.

Я опять заплакала, упала старцу в ноги и сказала:

– Батюшка, примите мою душу на покаяние! Я совершенно предаюсь во всем воле вашей.

Батюшка много меня утешал и велел готовиться к исповеди и к Святому Причащению.

– Погости, – говорил он мне, – погости у нас в пустыни: тебе спешить некуда, да и не к кому. Будь покойна – я тебя не оставлю. Поди теперь в гостиницу, отдохни!

Приласкал меня батюшка, благословил... И ушла я от него не помня себя от радости.

Пока я говела, каждый день ходила к старцу на благословение. Батюшка меня принимал милостиво, но я всякий раз подходила к нему со страхом.

Наступил день исповеди.

Когда старец взял меня на исповедь, то сказал:

– Исповедуй мне все свои грехи. Припомни от самых юных лет и до сей минуты!

Великое и страшное это было для меня испытание! Ох, как тяжело жить на земле грешному человеку!.. Я тяжело вздохнула. Не утаился мой вздох от прозорливого батюшки. Он молча на меня взглянул и стал надевать епитрахиль и поручи... Что было тут со мною, что творилось в душе моей в эти минуты, того словами и передать трудно. Мне казалось, что я сгорю от стыда.

Несчастливая, горькая была доля моя в юности! Тринадцатилетняя девочка замужем за пятидесятилетним! Тяжел и страшен был мне крест этот, и я в семнадцатилетнем возрасте без памяти влюбилась в молодого соседа, полковника, который, выйдя в отставку, поселился жить вблизи от нас, в своей деревне. Красивый, ловкий, образованный был он человек, и с первой же встречи в нашем доме мы без памяти полюбили друг друга. Он умер прежде моего мужа.

Ох, как было трудно рассказать это старцу!

Но батюшка уже все провидел и помог мне освободить душу от тяготевшего на ней греха: он сам мне предложил роковой вопрос и затем сам же и промолвил вопросительно:

– Да?

Я закрыла лицо руками и, сгорая от волнения и стыда, бросилась к его ногам и сказала едва слышным шепотом:

– Да!

– Ну, – сказал он, – теперь ты моя дочь духовная, и я тебя никогда не оставлю.

Батюшка обошелся со мною с такою лаской, с такой милостью, что с этой первой моей встречи я привязалась к нему всею моею душою, всем существом моим, и на сердце моем не осталось у меня от него ни одной сокровенной тайны: я видела в нем от Бога посланного мне Ангела Хранителя, спасающего душу мою многогрешную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.